

LE JOLI MAI: A CHRONICLE of the “LONG” MONTH of MAY 2009

Антон Дамструен, Илья Будрайтскис, Алексей Пензин, Николай Олейников
by: Anton Damstruen, Ilya Budraitskis, Alexey Penzin, Nikolay Oleynikov

ЗАДАЧА ЭТОЙ ХРОНИКИ ОБОЗНАЧИТЬ НЕСКОЛЬКО СОБЫТИЙ МАЯ 2009, ПЛОТНАЯ ЧЕРЕДА КОТОРЫХ СОТРЯСЛА СООБЩЕСТВО АКТИВИСТОВ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ХУДОЖНИКОВ и связать эти события с более обширным контекстом, который формирует их, определяет их симптоматику. Будет вполне оправданным начать хронику этого «весёлого месяца» значительно раньше, например—в июле 2002, когда в России вступил в силу федеральный закон «об экстремизме». Так же следовало бы вернуться в не менее «весёлую» осень 2008, когда отдел по борьбе с организованной преступностью был перестроен в управление по предотвращению экстремизма, так называемый Центр «Э», оперативники этого Центра сыграли ключевую роль сразу в нескольких событиях, упомянутых нами в этом выпуске. Эта реформа состоялась под заявления госчиновников, что они не позволят «экстремистам» и прочим злоумышленникам «дестабилизировать» страну в период растущего экономического кризиса. Минувшая весна и начало зимы были так же обозначены чередой нападений на социальных активистов (Карин Клеман, Михаил Бекетов, Алексей Этманов), а кульминацией стала трагедия — убийство адвоката-правозащитника Станислава Маркелова в январе этого года. Тем временем, разразился еще один залп в «исторической войне», оперативники Следственного комитета при прокуратуре РФ в ходе рейда в информационно-исследовательском центре общества «Мемориал» в Санкт Петербурге 4 декабря изъяли жесткие диски с архивной информацией по истории государственного террора в советский период.

Судебная тяжба кончилась этой весной победой «Мемориала» — одинокое исключение из «новых правил» злоупотребления властью. Антифашист Алексей Олесинов за незначительный инцидент у ночного клуба в Москве был осужден за «групповое хулиганство». Защитники Алексея назвали этот суд «фарсом над правосудием». Эхом «дела Лоскутова» отзывается история Валентина Урусова — профсоюзного организатора из Якутии, осуждённого за хранение наркотиков, вторично вмененное после опровержения. Сеанс охоты офицера МВД в московском супермаркете всколыхнул зачатки общественных дебатов о необходимости срочной реформы в российских силовых структурах и запоздалые откровения о том, что насилие и жестокость (хотя и не повсеместно в таких формах) — стандарт и неотъемлемая часть милицейских «мероприятий». Так или иначе, оглядываясь на события мая можно заключить лишь, что такая реформа произойдёт не скоро. Центр «Э» и другие полицейские органы по-прежнему запугивают, арестовывают и преследуют активистов и блоггеров, «мониторят» потенциальных «экстремистов в молодёжной среде» (к которым в Приморском районе Санкт-Петербурга причисляют и поклонников группы «Кино»), совершают налёты на антифашистские концерты и разгоняют демонстрации и пикеты протеста. И, наконец, продолжающееся насилие в Северокавказском регионе России — означенное покушением на президента Ингушетии Юнусбека Евкурова в июне и похищением и убийством активистки-правозащитницы Натальи Эстемировой в июле. Эти факты призваны маркировать «исключительное положение», которое затягивает всю страну в ситуацию «войны с террором».

ВОТ НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ХРОНИКИ МАЯ 2009, КОТОРЫЕ ДРАМАТИЧЕСКИ ВМЕШАЛИСЬ В НАШУ ЖИЗНЬ И КОМПОЗИЦИЯ ЭТОГО НОМЕРА ГАЗЕТЫ ВО МНОГОМ ЯВЛЯЕТСЯ РЕАКЦИЕЙ НА ЭТИ СОБЫТИЯ:

ЗДЕСЬ, НА ЭТИХ СТРАНИЦАХ МЫ, ХУДОЖНИКИ, ИССЛЕДОВАТЕЛИ, АКТИВИСТЫ
ОСВАИВАЕМ И ПЕРЕОСМЫСЛИВАЕМ ОПЫТ
СОВМЕСТНОГО ТВОРЧЕСКОГО ПРОЖИВАНИЯ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.
ДЛЯ ЗНАНИЯ, ТВОРЧЕСТВА И ДЕЙСТВИЯ.
ЗДЕСЬ МЫ ОПИСЫВАЕМ И СОЗДАЕМ МЕТОД РАБОТЫ С РЕАЛЬНОСТЬЮ.
ОБЩИЙ МЕТОД, КОТОРЫЙ ПРИМЕНЯЕМ ЗДЕСЬ ЖЕ, В ЭТОЙ ГАЗЕТЕ,
А СПЕРВА НА КУХНЯХ, В БЛОГАХ, НА УЛИЦАХ.
БОЛЬШИНСТВО МАТЕРИАЛОВ ЭТОГО НОМЕРА,
ТЕКСТЫ И РИСУНКИ НЕ ПРОСТО СОЗДАВАЛИСЬ КОЛЛЕКТИВНО,
НО И ПРОЖИВАЛИСЬ СОВМЕСТНО: НОЧИ НАПРОЛЕТ, СУТКИ ПРОЧЬ, ВМЕСТЕ.
СОВМЕСТНО ПЕРЕЖИВАЕМЫЙ ГОЛОД НАШИХ ПИТЕРСКИХ ТОВАРИЩЕЙ,
ВПИСАННЫЙ В ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ – РАДИКАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ ЭТОГО ОПЫТА.
СОЗДАНИЕ НОВОГО АКТИВИСТСКОГО ФИЛЬМА,
ВОССОЗДАЮЩЕГО И ОСМЫСЛЯЮЩЕГО ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ СОБЫТИЯ
СОВМЕСТНОГО ПРОЖИВАНИЯ И ОБЩЕСТВЛЕНИЯ ЛЕВОГО ЗНАНИЯ
В РАМКАХ СЕМИНАРА-ОБЩЕЖИТИЯ IN PROGRESS;
ВОЛНА ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЙ В ПОДДЕРЖКУ НОВОСИБИРСКОГО ХУДОЖНИКА;
РЕШИМОСТЬ НА СОВМЕСТНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ;
ВКЛЮЧЕННОСТЬ ВМЕСТО ЭСКАПИЗМА;
СВЕДЕНИЕ ВСЕХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЕДИНЫЙ УЗЕЛ В КОНКРЕТНОЙ ТОЧКЕ, В КОНКРЕТНЫЙ,
СОВМЕСТНО ПЕРЕЖИТЫЙ И ОСОЗНАННЫЙ НАМИ ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ.
ПЛЮС АНАЛИЗ IN MEDIAS RES – ПРИМЕНЕНИЕ ЭТОГО МЕТОДА.

1.05
Несмотря на то, что у организаторов первомайского шествия “Pirate Street Party” было официальное разрешение подписанное городскими властями, петербургский ОМОН разгоняет демонстрацию. Более 100 анархистов задержаны, погружены в милицейские автобусы, распределены по милицейским участкам в разных частях города, где незаконно досмотрены, дактилоскопированы, сфотографированы и заключены под стражу с формулировками «переход улицы в неположенном месте», «нецензурная брань» и т.д.

Petersburg riot police break up a “Pirate Street Party” whose organizers had received official permission to participate in May Day demonstrations. Over 100 anarchists are arrested and bused to police precincts in various parts of the city, where they are photographed, fingerprinted, and charged with minor offenses such as “jaywalking” and “using profane language” before being released.

9.05
Участники двадцатичетырёхчасового семинара «Левое искусство. Левая философия. Левая история. Левая поэзия» (организаторами выступили члены группы «Что делать?» и СД «Вперёд!») в Нижнем Новгороде подверглись нападению со стороны отряда особого назначения МВД, под руководством подполковника Трифонова из отдела по борьбе с экстремизмом. После обыска и изъятия документов и литературы порядка 30 участников семинара были отправлены в Районное Отделение Внутренних Дел, где были допрошены и сфотографированы.

A 24-hour experimental seminar entitled “Leftist Art. Leftist Philosophy. Leftist History. Leftist Poetry” (organized by Chto Delat and the Vpered Socialist Movement) is raided by special-forces police in Nizhny Novgorod under the command of Center “E.” Approximately thirty seminar attendees are taken to a police precinct, where they are questioned and photographed before being released a few hours later.

15.05
Студент Новосибирского Университета, художник Артём Лоскутов арестован оперативниками новосибирского «Центра Э» и заключен под стражу за хранение 11 граммов марихуаны. Он и его защитники утверждают, что наркотики были подброшены ему оперативниками во время обыска и что реальным мотивом ареста послужило участие Лоскутова в организации ежегодных первомайских Монстраций в Новосибирске. Было вынесено решение о том, что Лоскутов должен находиться в следственном изоляторе до суда. Дело спровоцировало беспрецедентную общественную кампанию в поддержку Лоскутова по всей России и за её пределами.

Artist and university student Artem Loskutov is arrested by Center “E” operatives in Novosibirsk and charged with possession of 11 grams of marijuana. He and his defenders claim that the operatives planted the drugs there themselves and that the Center’s real motives for arresting Loskutov were his unwillingness to respond to a telephone summons that same day and his involvement with the annual May Day “Monstrations” in Novosibirsk.

Loskutov is remanded to police custody pending trial. An unprecedented, massive campaign of solidarity actions and protests is launched throughout Russia and around the world.

for more on the Monstrations and the Loskutov case, search for “The Trial, or, Is There Life According to Kafka?” by Ekaterina Drobysheva at <http://choddelat.org>

IN THESE PAGES,
WE (ARTISTS, RESEARCHERS, ACTIVISTS) TRY TO RETHINK
THE EXPERIENCE OF COLLECTIVE CREATIVE LIVING.
HERE, NOW.
LIVING FOR THE SAKE OF KNOWLEDGE, ART, AND ACTION.
HERE WE DESCRIBE AND ELABORATE A METHOD FOR WORKING WITH REALITY.
THE GENERAL METHOD APPLIED HERE, IN THIS NEWSPAPER,
WAS FIRST TRIED OUT IN KITCHENS, IN BLOGS, AND ON THE STREETS.
MOST OF THE TEXTS AND DRAWINGS IN THIS ISSUE WERE NOT ONLY CREATED COLLECTIVELY.
THEY WERE ALSO LIVED COLLECTIVELY—FOR NIGHTS AND DAYS ON END, TOGETHER.

THIS METHOD IS APPLIED BY MERGING ALL THESE ELEMENTS INTO A SINGLE JUNCTURE IN A PARTICULAR PLACE,
INTO A CONCRETE HISTORICAL MOMENT THAT WE HAVE COLLECTIVELY EXPERIENCED AND ACKNOWLEDGED,
AND BY ANALYZING THIS MOMENT IN MEDIAS RES.

THESE INCLUDE:

- THE COLLECTIVE HUNGER STRIKE OF OUR PETERSBURG COMRADES, INSCRIBED IN THE HISTORICAL MOMENT BY THEIR RADICAL INTERPRETATION OF THIS EXPERIENCE.
- THE PRODUCTION OF A NEW ACTIVIST FILM. IT RE-ENACTS AND PONDERES THE THRILLING EVENTS OF THE COLLECTIVE EXPERIENCING AND SOCIALIZATION OF LEFTIST KNOWLEDGE IN OUR COMMUNAL SEMINAR IN PROGRESS.
- THE WAVE OF PROTEST ACTIONS IN SUPPORT OF A NOVOSIBIRSK ARTIST.
- THE RESOLUTION TO WRITE A COLLECTIVE POLITICAL COMMUNIQUÉ.
- ENGAGEMENT INSTEAD OF ESCAPISM.

le joli mai [eng] THIS CHRONICLE ATTEMPTS TO PLACE SEVERAL EVENTS THAT IMPACTED OUR COALITION OF ACTIVISTS, ARTISTS, AND THINKERS DURING MAY 2009 WITHIN THE BROADER CONTEXT THAT GENERATED AND SHAPED THEM.

We might have begun our chronicle of this “merry month” much earlier—for example, in July 2002, when the first version of the Russian federal law on “extremism” took effect. We should at least return to the equally “merry” autumn of 2008, when the Interior Ministry’s organized crime unit was reformed as the Department for Extremism Prevention, the so-called Center “E” whose operatives have played a key role in many of the events we mention here. This reform took place amidst public avowals by high state officials that they would not allow “extremists” and other malevolent forces to take advantage of the growing world economic crisis to “destabilize” the country. The past autumn and early winter were also marked by a wave of attacks on Russian social activists (e.g., Carine Clément, Alexei Etmanov, Mikhail Beketov) that culminated in the murder of human rights lawyer Stanislav Markelov, in January of this year. Meanwhile, in what might be seen as another salvo in Russia’s “history wars,” the Investigative Committee of the Russian Prosecutor General’s Office raided the Memorial Society’s Research and Information Center in Petersburg on December 4, making off with hard drives containing archives on the history of state terror in the Soviet Union.

While that case ended, in the spring, with a court victory for Memorial, other episodes of police and prosecutorial abuse did not. Anti-fascist Alexei Olesinov was convicted by a Moscow court of “group hooliganism” (for a minor incident outside a night club) after a trial his defenders denounced as a farce of justice. In echoes of the Loskutov case, Yakutia trade union organizer Valentin Urusov saw his conviction for drugs possession first overturned and then reinstated. A senior Moscow police official’s supermarket shooting spree, in late April, provoked the rudiments of a public debate on the urgent need for reform of Russia’s law enforcement agencies and belated revelations that such violence and abuse (albeit sometimes “milder” in form) were standard police “procedure.” Events since May, however, have suggested that this reform could be a long time in coming. Center “E” and other police agencies have continued to intimidate, arrest, and prosecute activists and bloggers, “monitor” potential “youth extremists” (whose ranks, in Petersburg’s Primorsky District, were revealed to include fans of the defunct pop band Kino), raid anti-fascist concerts, and disperse public protests. Finally, continued violence in Russia’s North Caucasus region—typified by the suicide bomb attack on Ingushetia president Yunus-Bek Yevkurov, in June, and the kidnapping and murder of Chechen human rights activist Natalia Estemirova, in July—remind us that the “state of exception” now engulfing the rest of the country has been inspired to a great extent by Moscow’s own long-running “war on terror” (against separatists and so-called Wahabist fundamentalists) there.

HERE ARE SOME EVENTS THAT DRASTICALLY AFFECTED OUR LIVES AND PROVOKED THE PUBLICATION OF THIS ISSUE OF OUR NEWSPAPER:

18.05

В Москве была жестко пресечена милицией акция московского гей-сообщества. Около 40 ее участников было задержано. В Петербурге аналогичная акция прошла без инцидентов.

Police in Moscow violently break up a gay pride event, detaining over forty activists. A similar event in Petersburg takes place without incident.

19.05

Президент Дмитрий Медведев подписал указ «О Комиссии при президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Новый орган будет с помощью материалов из органов власти и научных институтов обобщать и анализировать всю информацию о фальсификации исторических фактов и событий, «направленных на умаление международного престижа» страны, и разрабатывать стратегию противодействия попыткам фальсификации.

President Medvedev issues a decree to create a “Presidential Commission for Prevention of Falsification of History to the Prejudice of Russia’s Interests.”

Using material provided by law enforcement agencies and academic institutes, the commission will monitor “attempts to falsify historical facts and events” that may undermine “the international prestige of the Russian Federation” and develop strategies for neutralizing such attempts.

20.05

Доведенные до отчаяния жители Пикалево Ленинградской области ворвались в здание мэрии. Требования протестующих — запуск остановленных предприятий и возобновление подачи горячей воды. Еще зимой были остановлены все градообразующие предприятия—«БазэлЦемент», «Пикалевского глинозема» и «Метаксима», а в домах уже неделю нет горячей воды и отопления. В момент штурма в здании проходило совещание по решению городских проблем, участие в котором принимали местные чиновники, представители прокуратуры и «БазэлЦемент—Пикалево». С декабря 2008 года в Пикалево регулярно проводятся сокращения на предприятиях. Официально уволенных — около 1500 человек, однако в неоплачиваемых отпусках, работающих неполную неделю — еще около 2500 человек. Всего на 3-х заводах работало около 5000 человек из 22000 населения города (около половины всех работоспособных горожан). Власти и СМИ сделали вид, что ситуация в Пикалево решена, после визита в город премьер-министра РФ, который косвенно осудил действия рабочих, как препятствие в принятии конструктивных решений.

по материалам портала www.ikd.ru

Residents of Pikalevo (Leningrad Region) storm a meeting of the municipal administration. They demand the restart of production at the town’s three idled cement plants and the resumption of hot water service to in their homes. Production at the factories was halted in the winter, leading to layoffs, unpaid compulsory leave, and half-time employment for the approximately 5,000 people who work in the plants (nearly half of the town’s working population). Unsatisfied with measures taken by the authorities, workers and residents block a federal highway on June 2. This leads to a flying visit on June 4 by Prime Minister Putin, who obliquely condemns the actions of the workers as unconstructive while also publicly forcing the management of the plants to resume production and pay back wages.

28.05

Группа художников-анархистов начинает «голодовку-пленер» в саду-партере перед Смольным Институтом. Художники заявляют три основных требования: 1. завести уголовное дело по ст. 149 Уголовного кодекса РФ (Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них, совершенное должностным лицом с использованием своего служебного положения либо с применением насилия) по факту незаконного задержания участников легального шествия 1 мая; 2. создать общественную комиссию по контролю за деятельностью Центра по борьбе с экстремизмом; 3. прекратить дело против художника Лоскутова за полным отсутствием состава преступления.

Anarchist artists begin a “plein air” hunger strike outside Petersburg city hall. The artists demand that charges be filed against officials responsible for the dispersal of the Pirate Street Party on May 1; that a public commission be created to monitor the work of Center “E”; and that all charges against Artem Loskutov be dropped.

Текст публикуется в сокращенной версии.
Полная версия на <http://chtodelat.org/>
This is an abridged version.
For the full text, go to <http://chtodelat.org/>

1. IN MEDIAS RES

НЕПРОСТО осмыслить происходящее in medias res, изнутри: события, которые находятся в процессе развития, которые затрагивают нас самих, атакуют нас со всех сторон, не позволяя занять позицию беспристрастного аналитика. Эти события касаются многих из нас – иногда в буквальном физическом смысле. Команда «руки на стену» Оглушающий удар в переполненном автобусе с «повинченными» демонстрантами. Или, например, непередаваемо гротескное вторжение отряда вооруженных, возбужденно кричащих людей во время просмотра фильма Годара на мирном «левом семинаре». Вот уже около года сети солидарности постоянно доносят сообщения о новых арестах, незаконных вызовах «на собеседование» и избиваниях активистов. Но, возможно, не следует быть слишком сосредоточенными на нас самих. «Плохие новости» касаются не только меньшинства активистов и интеллектуалов. Они исходят и от тех, кто не связан с политической, образовательной или исследовательской деятельностью, от «простых граждан». Сама текстура постсоветского общества в последние годы погружена в анонимное и рассеянное насилие со стороны «сил правопорядка». Насилие в отношении мирного населения становится своего рода «побочным ущербом», эксцессом сложившейся системы политического администрирования. Иногда это анонимное насилие обретает персональные и трансгрессивные черты. Например, в фигуре майора милиции, который расстреливает случайных посетителей супермаркета с холодокровием персонажа компьютерной игры.

2. «ЭКСТРЕМИЗМ» И СЕКЬЮРИЗАЦИЯ

ОДНОЙ ИЗ БЕЗУСЛОВНЫХ общемировых тенденций в последнее время является политика и идеология секьюризации, ключевым термином которой является «безопасность». Под предлогом вымышленных или реальных угроз («терроризм», военные конфликты, миграция, экологические катастрофы, эпидемии и т.д.), и, разумеется, «от имени и ради безопасности самих же граждан» вводятся все новые чрезвычайные меры контроля и управления. При этом список «угроз» все время расширяется. Секьюризацию следует понимать именно как процесс непрерывного производства самой сферы «опасного» и, одновременно, новых техник «кризисного» правления. Политика чрезвычайных мер оказывает все большее влияние на общество – как на публичную сферу, так и на приватное пространство. В определенных ситуациях действие формальных правовых установлений (презумпция невиновности, гражданские свободы) вообще приостанавливается. Соответственно, власть и «силовые органы» наделяются все большими полномочиями, а также техническими возможностями контроля

слежения [1]. ПОЛИТИКА «БЕЗОПАСНОСТИ» в ее новейшей форме вызвана к жизни обществу трансформациями, которые произошли под влиянием неолиберального капитализма. Во-первых, они связаны с необходимостью обезопасить инвестиции и, в целом, финансовую сферу, особенно в условиях разворачивающегося сейчас экономического кризиса. Во-вторых, на инициирование новых чрезвычайных мер оказывает непосредственное влияние тревога правящих элит, которые опасаются массовых протестов в связи с последствиями глобального экономического обвала. В-третьих, секьюризация задается и на более глубоком—структурном, производственном, или даже онтологическом—уровне. Рост текучести рабочей силы, усиление фактора неопределенности во всех трудовых процессах, прекаризированность, т.е. необеспеченность минимальной «социальной безопасности» и стабильных трудовых отношений и условий для жизни делают ставку в политической игре. Новые условия эксплуатации формируют особые типы подчиненной субъективности, ищущие успокоения, конверсии собственной связанной с неопределенностью тревоги. Причины этой тревожности они опознать не могут, и она легко трансформируется в конкретный страх, который легко связывается с теми или иными конкретными фигурами «чужого», «врага» («террористы», «мигранты», «экстремисты»). Если классический капитализм 19 в. причинял страдание телу работника (голод, нехватка сна, жилья, полноценных условий жизни), то современное распространяет свой захват на всю его субъективность, оперируя теми аффектами, страхами, заботами, который он сам же и формирует. «Экзистенциальная аналитика» такой субъективности была создана Мартином Хайдеггером во времена сурового экономического кризиса Веймарской республики и в канун Великой Депрессии. Но теперь, похоже, эти экзистенциальные структуры становятся «судьбой» всех тех, кто живет в условиях перманентной неопределенности и секьюризации. Вводя дополнительные меры безопасности, проводя все новые «анти-экстремистские» кампании, государственные администрации предлагают и эффективно используют символическую компенсацию мучительных реальных неопределенностей, порожденных самими производственными отношениями современного капитализма. НАКОНЕЦ, стратегия правления, которая делает эту политику столь востребованной, состоит в том, что отныне любой конкретный социальный, политический, классовый антагонизм, выражающийся в низовом движении протеста, преподносится как угроза государственной и общественной безопасности и ставится в один ряд с явлениями совершенно другой природы (эпидемии, техногенные катастрофы). Отсюда—особая широта и неопределенность термина «экстремизм», которым с таким размахом оперируют власть для легитимации своих «спецопераций».

3. «УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ» В КРИЗИСЕ

ОЧЕРТИВ в самом схематичном виде эти тенденции, мы можем посмотреть на ситуацию с точки зрения того, как обстоят дела на локальном уровне. В постсоветской России закликания о «стабильности», несомненно, представляет локальный вариант широко понятой политики секьюризации. В официальной риторике нынешняя «стабильность» противопоставляется неопределенности и «хаосу» 1990-х гг. как подлинное достижение нынешнего режима. Он представляет себя победителем «терроризма», «экстремизма», «вооруженного сепаратизма», а также политических и экономических турбулентностей «переходного периода». Мифологическое повествование о переходе от «хаоса» к «порядку» претендует на то, чтобы структурировать массовое восприятие исторического момента. Однако, «стабильность»—это абсолютно пустой знак, который поддерживается в основном лишь образами и риторикой официальных масс-медиа. Это эффект стратегии ограничения, которая выводит за скобки медиальной репрезентации все элементы, которые не укладываются в картину нового порядка. Образы «стабильности» в изобилии производятся даже сейчас. Ведь, как с потрясающим волюнтаризмом говорят пропагандисты властей, «кризис не в экономике, кризис в головах». Эти образы создаются через исключение—рабочих с «бюджетных» предприятий, пенсионеров, прекаризированных работников культуры и образования, а также других «малообеспеченных».

ПРИ ПРОСМОТРЕ ХРОНИКИ «ВЕСЕЛОГО МАЯ» 2009 ГОДА В РОССИИ—ЛАКОНИЧНОЙ ИСТОРИИ АРЕСТОВ, ЗАДЕРЖАНИЙ АКТИВИСТОВ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ, ХУДОЖНИКОВ, НО ТАКЖЕ И ПРОТЕСТОВ ПРОТИВ ЭТИХ ДЕЙСТВИЙ ВЛАСТЕЙ—ВОЗНИКАЕТ МНОГО НЕПРОСТЫХ ВОПРОСОВ. РАЗУМЕЕТСЯ, НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ ФРАГМЕНТАРНЫЕ И КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ НЕ ПРЕТЕНДУЮТ НА СТАТУС «ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ДИАГНОЗА». НЕПОЛНОТА И ОТРЫВОЧНОСТЬ ЭТИХ ЗАМЕТОК—СКОРЕЕ, ЧАСТЬ САМОЙ ПРОБЛЕМЫ . ЕЕ БОЛЕЕ ПОЛНЫЙ АНАЛИЗ СТАНЕТ ВОЗМОЖНЫМ ПРИ УСЛОВИИ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОПЫТА, ЧТО ОСТАЕТСЯ ПОКА ДЕЛОМ БУДУЩЕГО.

ОБЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ формой «стабильности» является режим, который до недавнего времени почти официально именовал себя «управляемой демократией». В рамках этой модели президент и его административный аппарат мыслятся как своего рода «кризисные менеджеры», главная задача которых—поддерживать управляемость системы любыми мерами, в том числе и чрезвычайными. Менеджерская модель переносится на всю сферу политики, стремясь управлять всеми политическими силами, с которыми «можно договориться». Политика—это лишь «бизнес», у которого есть свои оплачиваемые администраторы и исполнители. Все другие политические силы, которыми невозможно управлять через «инвестиции» и «проекты», и с которыми невозможно «договариваться», подвергаются жесткой маргинализации. Еще бы, да ведь эти «неуправляемые» смеют иметь свои собственные проекты изменения общества! Все ситуации применения насилия в этой системе возникают в зонах подобной «неуправляемости». Все, что противоречит этой консолидированной бюрократическо-административной системе, вызывает агрессию и интервенцию со стороны власти. Все, что неуправляемо, следует подавлять—такова максима действий силовых органов. Со всеми остальными можно договориться. СЛЕДСТВИЕМ «СТАБИЛЬНОСТИ»

«управляемой демократии» является политика нормализации, которая в последнее время проникает на все более глубокий социальный уровень. Существуют «нормальные люди», образующие гомогенное общество, «лояльное большинство». Но есть и те, которые «ненормальны» [2]. Они неуправляемы, они непонятны, они выступают с критикой, они пугают, даже будучи немногочисленными. Они—не очень-то приятное напоминание о дурной совести «управляемой демократии». Мы можем наблюдать появление целой группы новых «ненормальных»: активисты низовых общественных и политических движений, молодежные «неформалы», политизированные интеллектуалы, которые воспринимаются как опасная и непонятная в силу своего усложненного языка и образа жизни «богема», которая, к тому же, имеет возможность публично озвучить свой голос. Их деятельность явно не укладывается в бизнес-модель, понятную менеджеру. Своим поведением они подрывают негласные нормы лояльности, покорности и нового, невероятно циничного постсоветского «реализма» и «прагматизма». ИТАК «СТАБИЛЬНОСТЬ» свидетельствует, фактически, лишь о большей консолидации и укреплении самого аппарата «безопасности». Полицейские интервенции призваны продемонстрировать «монополию на насилие» как знаки присутствия «сильного государства» повсюду. Все, что оспаривает «стабильность» своим своим существованием, мышлением и поведением, все, кто открыто ставит ее под сомнение, все, кто выражает несогласие с ней как единственно возможным порядком, потенциально попадают под подозрение. Недавно начавшаяся кампания по поиску «очагов дестабилизации» стала первой реакцией этой системы на признаки нарастания экономического кризиса и, как его следствие, сужение зоны управляемости.

5. НАСИЛИЕ КАК ТОВАР

НОВАЯ ПАРАДИГМА «безопасности» была зафиксирована на юридическом и институциональном уровне. После событий 9.11., как и в некоторых других странах, в 2002 году в России был принят закон «О борьбе с экстремизмом». Однако при рассмотрении мер, связанных с институциональным обеспечением и реализацией этого закона, видны многие их отличительные особенности. Настоящем началом активной кампании «борьбы с экстремизмом» стало учреждение—на волне кризисных ожиданий 2008 года—федеральной сети «анти-экстремистских» центров. Они были укомплектованы боевыми подразделениями, ранее использовавшимися для борьбы с тяжкими уголовными преступлениями, со всеми присущими им «методами работы». Лиц, попадающих под подозрение, эти новые силовые подразделения, фактически, трактуют как не-граждан, превентивно отказывая им в любом правовом статусе, действуя по отношению к ним, по сути, так же, как раньше они действовали против криминальной мафии. Объектами подозрения и «экстремистами» в последнее время становятся независимые политические и профсоюзные активисты, организаторы антифашистских рок-концертов, ангажированные интеллектуалы и художники. Переход от потенциально вызывающего беспокойство статуса «неуправляемых» к статусу лиц, лишенных гражданских прав в момент полицейской атаки и задержания, оказался шокирующе быстрым. ЛОГИКА действий «анти-экстремистских» центров вырастает из общей менеджерской стратегии «управляемой демократии». Эта стратегия создает нововведения в сфере административно-полицейского контроля в виде «проекта» с определенным бюджетом, который должен доказать свою «конкурентоспособность» за ограниченный промежуток времени. Созданные «анти-экстремистские» центры должны быстро предъявить продукты своей деятельности—проверки, рейды, акты насилия. И они не замедлили появиться – за последние полгода они исчисляются десятками. Насилие в этой ситуации становится парадоксальным товаром на новом сегменте рынка «безопасности». Насилие, как разрушение мирных установлений человеческого общежития, как грубое насилие, как «реальное», как производное голой, уязвимой жизни, всегда было способом безошибочно продемонстрировать господствующий баланс сил. В данном случае – это еще и верный способ показать «эффективность» нового административно-полицейского проекта, продемонстрировать его «конкурентоспособное» отличие от более традиционных служб безопасности. Можно предположить, что логика подобной маркетизации и конкуренции в сфере политики «безопасности» должна, в конечном счете, ускорить кризис самой системы «управляемой демократии».

Разумеется, парадигма секьюризации появилась не сегодня. Она является, скорее, современным экстремизмом аппаратных элит, постепенно складывавшихся с начала процесса капиталистической модернизации[...]. см. М. Фуко «Безопасность, территория, население» (1977-1978)

Мы используем этот термин не в оценочном смысле, а в том аналитическом значении, в котором его использовал М. Фуко в одноименном курсе лекций 1974-1975 года

6. СОПРОТИВЛЕНИЕ, АКТИВИЗМ, СУБЪЕКТИВНОСТЬ: КАКОЕ «ОБЩЕЖИТИЕ» НАМ НУЖНО?

ОБСУЖДАЯ политические контексты плотной цепочки событий «долгого мая» 2009 года, необходимо подчеркнуть значение некоторых других событий. Они были связаны с сопротивлением административной машине «безопасности» и «управления», которая бросила свои непропорционально большие и вооруженные силы на немногочисленную и при этом разнородную среду российских левых активистов, интеллектуалов и художников. Взятые в кольцо постоянных новостей о задержаниях и избиениях знакомых многим людей, участники акций проявляли свою солидарность также ассиметрично. Помимо известных тактик они весьма изобретательно использовали возможности современной визуальной и медийальной культуры, при этом обходя грубые фильтры административного контроля доступа к публичной сфере (например, получение разрешения на пикет). Так возникали, например, интересные опыты перевода с политического языка на язык традиционных практик искусства—голодовка и уличные собрания художников, результатами которых становились вполне политические работы, весьма остроумно разоблачавшие «управляемую демократию» в действии. ТЕОРЕТИКИ, которые обращались анализу левых движений, возникающих на руинах прежних коммунистических партий и социалистических государств, отмечают двойственный характер их формирования, одновременно активный и реактивный [3]. С одной стороны, существует момент идентификации с самим сопротивлением очевидному насилию, произволу, грубой силе, безоглядной наглости новых капиталистических «хозяев жизни». Он носит оборонительный, защитный характер. С другой стороны, важен момент трансформации этого реактивного, оборонительного движения, возникающего по частным поводам в движение активное, конституирующее, создающее новое поле отношений, относительно автономное и формирующее как свои универсальные политические проекты, так и конкретные субъективности, способные их поддерживать и осуществлять. ЗДЕСЬ я могу также говорить, опираясь и на свой личный опыт, в том числе, и как ответственный за необычное обсуждение «левой философии» на просветительском семинаре в Нижнем Новгороде, который подвергся нападению со стороны «анти-экстремистского» центра. Семинар задумывался как «человеческое общежитие», как временная «коммуна», к опыту проживания в которой мог присоединиться любой пришедший на семинар участник. Полноценное возвращение к работе семинара после его насильственной остановки и было элементарным актом сопротивления, но также и моментом изменения всей ситуации наших разговоров. Таким образом, помимо обмена и развития наших знаний, сам способ проведения семинара как «общежития» поднял вопрос о практиках и формах трансформации наших жизней, самих субъективностей. Это преобразование происходит через практики самоорганизации, самообразования, сотрудничества, само-валоризации—т.е. через те антропологические способности, которые не может присвоить и контролировать до конца никакая «приватизация» или политика «безопасности». ДЕНЬ ОТО ДНЯ сталкивающимся с крайне прозаическими и жестокими вещами—в чудовищно удаленном от экспериментов освободительной мысли и революционной практики 19-20 вв. повседневном мире постсоветской управляемой демократии,—активистам явно не сидит опаса́ться «высоких» философских формулировок. Вопрос об активистской субъективности имеют прямое отношение к конкретным и практическим вещам—к расширению движения, к поднятию уровня понимания его проблем, к его политической силе, к новым формам общности, языка и координации. Он связан с простым вопросом,—какой жизни, какого большого «общежития» мы хотим, не только для себя, но для других? Какого совместного преобразования наших жизней мы способны желать, исходя из наших конкретных условий? Эти условия подчас кажутся далекими от унаследованных нами великих исторических образцов революционной практики, политических текстов и произведений «левой философии». Это не только вопрос о программах и аргументах тех или иных организаций, с языком и способами формулировки задач, воспринятых от «восточных» или «западных», «новых» или «старых» левых 20 века. Это вопрос о формировании общей жизни—без наивности, с критическим отношением к излишне патетическому и прекраснодушному ее пониманию, но и с отрицанием яковы «реалистического» цинизма и «трезвого» скепсиса, вомертвляющий язык которых мы погружаемся ежедневно.

under suspicion [eng] WHEN WE PERUSE THE TIMELINE OF THE “MERRY MONTH OF MAY” 2009 IN RUSSIA—A LACONIC CHRONICLE OF ARRESTS, DETENTIONS OF ACTIVISTS, INTELLECTUALS AND ARTISTS, BUT ALSO OF PROTESTS AGAINST THESE ACTIONS OF THE AUTHORITIES—MANY DIFFICULT QUESTIONS ARISE. OF COURSE, THE FRAGMENTARY AND BRIEF COMMENTS GIVEN BELOW DO NOT CLAIM TO BE A DEFINITIVE DIAGNOSIS. THE INCOMPLETE AND SKETCHY QUALITY OF THESE COMMENTS IS RATHER A PART OF THE PROBLEM ITSELF. A FULLER ANALYSIS WILL BE POSSIBLE WHEN THERE IS A SYSTEMATIC UNDERSTANDING OF THE POST-SOVIET POLITICAL EXPERIENCE, WHICH FOR NOW IS A THING OF THE FUTURE.

1. In medias res

It is very difficult to understand what is going on in medias res, from the inside: these are events that are in the process of development, that affect us personally and assail us from all sides without allowing us to assume the stance of a dispassionate observer. These events affect many of us, sometimes in the literal, physical sense. The command “Hands against the wall!” A stunning blow to the head in a bus filled with people nabbed at a demonstration. Or, for example, the indescribably grotesque intrusion of a detachment of armed, shouting men during the showing of a Godard film at a peaceful leftist seminar. For about a year now the solidarity networks have been constantly delivering reports of new arrests, unlawful summonses for “discussions,” and beatings of activists. It is possible, however, that we should not be so focused on ourselves. The bad news concerns not only the minority of activists and intellectuals. The news also comes from those who are not involved in politics, education or research—from “average citizens.” The very texture of post-Soviet society in recent years has been steeped in anonymous, free-floating violence committed by the “forces of law and order.” Violence against civilians has become a kind of collateral damage, an excess of the existing system of political management. Sometimes this anonymous violence takes on personal and transgressive features. For example, in the person of a police officer who shoots at customers in a supermarket with the cold-bloodedness of a character in a computer game.

3. “Extremism” and Securitization

One undeniable worldwide tendency in recent times is the politics and ideology of securitization. Under the pretext of imagined or real threats (“terrorism,” military conflicts, migration, environmental catastrophes, epidemics, etc.) and, of course, “on behalf of and for the safety of citizens themselves” ever-newer emergency measures of control and management are introduced. At the same time, the list of “threats” grows longer. Securitization should be understood as a process of the continuous production of the sphere of the “dangerous” itself and, at the same time, of new techniques of “crisis” management. The politics of emergency measures has more and more influence on society, both on the public arena and on private space. In certain situations the action of formal legal institutions (presumption of innocence, civil liberties) is entirely suspended. Consequently, the authorities and law enforcement are given ever-greater powers, as well as technical capabilities for control and surveillance[1].

The politics of security in its newest form was called into being by societal transformations that occurred under the influence of neoliberal capitalism. First, they are connected with the need to protect investments and the financial sphere in general, especially amidst the current economic crisis. Second, the anxiety of the ruling elites has a direct influence on the initiation of new emergency measures, for they are afraid of mass protests due to the consequences of the global economic collapse. Third, securitization is programmed on a deeper—structural, production or even ontological—level. Increased workforce turnover, the rise of the uncertainty factor in all labor processes, precarization—i.e., the lack of minimum “social security,” stable labor relations, and living conditions—have become stakes in the political game. New conditions of exploitation give rise to particular types of subjugated subjectivity that seek reassurance, the conversion of the anxiety provoked by uncertainty. They cannot recognize the causes of this apprehension, and it is easily transformed into a specific fear that is linked to one or another specific figure of the “other,” the “enemy” (“terrorists,” “migrants,” “extremists”). Whereas classic nineteenth-century capitalism inflicted suffering only on the worker’s body (hunger, lack of sleep, poor housing and living conditions), the modern form encroaches on the entire person, operating on the affects, fears, and cares that capitalism itself creates. Martin Heidegger elaborated an “existential analysis” of this subjectivity during the severe economic crisis of the Weimar Republic and on the eve of the Great Depression. But now it seems that these existential structures are becoming the “fate” of all those who live amidst constant uncertainty and securitization. Government administrations, by introducing additional security measures and conducting ever-newer “anti-extremist” campaigns, propose and effectively use the symbolic compensation of the agonizing real uncertainties engendered by the very relations of production of modern capitalism.

All situations in which violence is used in this system arise in zones of such “unmanageability.” Everything that cannot be managed, everything that contradicts this consolidated bureaucratic-administrative system causes the state to become aggressive and intervene. All that is unmanageable must be crushed: that is the maxim according to which law enforcement operates. It is possible to negotiate with everyone else.

A consequence of “stability” and “managed democracy” is the politics of normalization to an even deeper social level. There are the “normal people” who make up a homogenous society, the “loyal majority.” But there are also those who are “abnormal[2].” These people cannot be managed; they are incomprehensible, they criticize, they are frightening even in their small numbers. They are a grim reminder of the “bad conscience” of “managed democracy.” We can observe the rise of an entire group of new “abnormal” activists of grassroots civic and political movements, young subculture “freaks,” politicized intellectuals who are seen as a dangerous and incomprehensible “bohemian” crowd because of their complex language and way of life. At the same time, they are able to publicly make their voice heard. Their activity clearly doesn’t fit into a business model that a manager can understand. With their behavior they undermine the unspoken rules of loyalty, obedience, and the new, incredibly cynical post-Soviet “realism” and “pragmatism.”

So “stability” is actually only proof of greater consolidation and reinforcement of the “security” apparatus itself. Police interventions are intended to demonstrate a “monopoly on violence” as signs of the ubiquitous presence of a “strong state.” Anyone who disputes “stability” by virtue of their very existence, thinking, and behavior; anyone who openly casts doubt on it; anyone who expresses disagreement with it as the only possible order is potentially suspect. The recently launched campaign to identify “sources of destabilization” was the first reaction of this system to signs of the growing economic crisis and, as its consequence, the narrowing of the zone of manageability.

Finally, the governance strategy that makes this politics so popular consists in the fact that from now on, any specific social, political or class antagonism expressed in a grassroots protest movement is presented as a threat to the state and public security and is equated with phenomena of a completely different nature (epidemics, manmade disasters). Hence the particular breadth and vagueness of the term “extremism,” which the authorities use with such abandon in order to legitimize their “special operations.”

4. “Managed Democracy” in Crisis

Having outlined these tendencies we can look at the situation from the perspective of how things stand on the local level. In post-Soviet Russia the mantra of “stability” undoubtedly represents the local version of the politics of securitization broadly understood. In official rhetoric, the current “stability” is set against the uncertainty and “chaos” of the nineties as a genuine achievement of the current regime. It represents itself as the conqueror of “terrorism,” “extremism,” “armed separatism,” as well as the political and economic turbulence of the “transitional period.” The mythical narrative of the transition from “chaos” to “order” aspires to structure the popular perception of the historical moment. However, “stability” is an absolutely empty sign that is chiefly supported only by the images and rhetoric of the official mass media. This is the effect of a strategy of limitation that brackets off from media representation all elements that do not fit into the picture of the new order from media representation. Images of “stability” are produced in abundance even now. After all, as the state propagandists say with remarkable voluntarism, “The crisis isn’t in the economy, it’s in our heads.” These images are created via exclusion—exclusion of workers in state enterprises, pensioners, precaritized cultural and educational workers, as well as other “low-income” individuals.

The general political form of “stability” is a regime that, until recently, almost officially called itself “managed democracy.” In this model, the president and his administrative apparatus are seen as “crisis managers” of sorts whose main task is to maintain the manageability of the system by any means, including emergency measures. The managerial model spreads to the whole of the political arena, attempting to manage all political forces with whom it is “possible to negotiate.” Politics is just a “business” that has its own paid administrators and contractors. All other political forces that cannot be managed through “investments” and “projects” and who cannot be “negotiated” with are severely marginalized. How could it be otherwise? After all, those “unmanageable” elements dare to have their own projects for changing society!

[2] We use this term not in a judgmental sense, but in the analytical sense that Michel Foucault gave it in his eponymous 1974–1975 lectures

The new paradigm of “security” has been established on both the legal and institutional levels. After 9/11, like some other countries, Russia passed a law “On the Prevention of Extremism” (in 2002). However, many distinctive features can be seen in measures related to the institutional support and implementation of the law.

The real start of the active campaign against “extremism” was the creation, on the wave of crisis expectations in 2008, of a special network of “anti-extremist” centers throughout the country. They were formed from armed units previously used to fight organized crime, with all the methods typical of such units. In effect, those who fall under suspicion are treated by these new law enforcement agencies as non-citizens and preventively stripped of any legal status; the new units act against them essentially the way they used to act against the criminal mafia. Recently, independent political and trade union activists, organizers of antifascist rock concerts, engaged intellectuals, and artists have become objects of suspicion as “extremists.” The transition from the potentially troubling status of “unmanageable” to the status of persons stripped of civil rights during police raids and detention has been swift and sometimes shocking.

The operational logic of the “anti-extremist” centers grows out of the overall managerial strategy of “managed democracy.” This strategy creates innovations in the field of police-administrative control in the form of a “project” with a certain budget that has to prove it is “competitive” in a limited amount of time. The “anti-extremist” centers must quickly show the products of their work: inspections, raids, and acts of violence. And these have not been long in coming: in the past six months they can be counted in the dozens. In this situation, violence is a paradoxical commodity in a new segment of the “security” market. As a breakdown of the peaceful institutions of human society, as a brutal exposure of the “real,” and as the production of bare, vulnerable life, violence was always a means of demonstrating the prevailing balance of power without fail. In this case, it is also a sure means of showing the “efficacy” of the new police-administration project, of demonstrating its “competitive” edge over more traditional security services. We may suppose that the logic of this marketization and competition in the sphere of security politics should, in the final analysis, hasten the crisis of the very system of “managed democracy.”

6. Resistance, Activism, Subjectivity: What Kind of “Community” Do We Need?

When discussing the political contexts of the eventful “long May” of 2009 it is necessary to emphasize the significance of some other events. They had to do with resistance to the administrative “security” and “management” machine, which threw its disproportionately large and armed forces at the small and heterogeneous milieu of Russian leftist activists, intellectuals, and artists. Surrounded by constant news of detentions and beatings of people many of them know personally, the participants in these actions were also asymmetrical in their display of solidarity. Aside from well-known tactics, they were quite inventive in using the capabilities of modern visual and media culture while also circumventing the coarse filters of administrative control over access to the public arena (for example, getting permission for a picket). That is how the interesting experiments in translating political language into the language of engaged contemporary art practices arose—the hunger strike and street gatherings of artists that resulted in quite political works that very wittily unmasked “managed democracy” in action.

Theorists who have turned to an analysis of the leftist movements cropping up amid the ruins of former communist parties and socialist states note the dual nature of their formation, which is at once active and reactive[3]. On the one hand, there is a moment of identification with the resistance to the blatant violence, abuse of power, brute force, and reckless audacity of the new capitalist “masters.” It has a defensive, protective character. On the other hand, just as important is the moment of transformation of this reactive, defensive movement that arises for particular reasons into an active movement that constitutes and creates a new field of agency that is relatively autonomous and generates both its own universal political projects and specific subjectivities capable of supporting and implementing them.

Here I can also speak on the basis of my own personal experience, including my experience as the person in charge of an unusual discussion of “leftist philosophy” at the educational seminar in Nizhny Novgorod that was raided by the “anti-extremist” center. The seminar was conceived as a “human community,” as a temporary “commune” whose experiment in living could be joined by anyone who came to the seminar. Fully restoring the work of the seminar after this violent interruption was an elementary act of resistance, but it was also the moment that changed the entire situation of what we had been talking about. Thus, in addition to exchanging and developing our knowledge, the very means of running the seminar as a “community” raised the question of the practices and forms of transforming our lives and our own subjectivities. This transformation proceeds through practices of self-organization, self-education, cooperation, and self-valorization, i.e., through those human capacities that no “privatization” or politics of “security” can appropriate or completely control.

Confronted with extremely prosaic and cruel things in the everyday world of post-Soviet managed democracy, which is monstrously distant from the experiments of emancipatory thought and the revolutionary practice of the nineteenth and twentieth centuries, activists clearly should not shrink from “high-flown” philosophical formulations. The question of activist subjectivity is directly related to specific and practical things: to expanding the movement, to heightening awareness of its problems, to its political power, to new forms of community, language, and coordination. It is related to a simple question: what kind of life, what kind of larger “community” do we want not only for ourselves, but for others? Given our specific conditions, what kind of cooperative transformation of our lives are we capable of desiring? These conditions often seem distant from the great historical exemplars of revolutionary practice, political texts, and works of “leftist philosophy” that we have inherited. This is not only a question of programs and arguments of one organization or another, with the language and methods of formulating tasks borrowed from the “eastern” or “western,” “new” or “old” leftists of the twentieth century. This is a question of creating a common life without naïveté, with a critical approach to an unduly emotional, starry-eyed understanding of it, but with a negation of that ostensibly “realistic” cynicism and skepticism in whose deadening language we immerse ourselves on a daily basis.

ЧТО «САМООРГАНИЗОВАННЫЕ ЗАНЯТИЯ ПРОХОДЯТ НА УЛИЦЕ», А «АКЦИИ НАЦЕЛЕНЫ НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ПУБЛИЧНОСТИ ПУБЛИЧНОМУ ПРОСТРАНСТВУ».

Но что представляет собой Уличный в действительности—со всей его безалаберной организацией, заделом мифотворчества и постоянными разочарованиями и очарованиями в подобной практике его участников.

ФАКТИЧЕСКИ все происходит в следующем режиме. Несмотря на усиленно составляющиеся регламенты никто так до сих пор не понимает как функционирует механизм составления программы. Помимо ситуации анонсирования широко известных или лично интересных докладчиков всегда как будто остается риск «прийти зря». Если в начале существовала опасность нападения акабов или бонов, теперь—опасение появления известных «захватчиков микрофона». Дискуссии также постоянно грозят эвтаназия от произвола ведущего учебный день или «объективных атмосферных условий». И, конечно, постоянно холодно—во всяком случае в Питере. Для чего нужна эта профанация? Пусть даже профанация в агамбеновском смысле, как единственно возможный ответ сакральной подоплаке повседневных практик, как ответ на нарастающую официализацию инстанций производства знания и образа жизни. Помимо ответа, содержащегося в уточнении вопроса, речь идет об упражнении в общности, об испытании своей способности несмотря на все погрешности просто быть вместе с другими, вместе с другими, которых ты даже толком не знаешь, как не знаешь и то, действительно ли они близки тебе идеологически, быть вместе с неожиданными людьми хотя бы раз в неделю. Как некоторое количество книг обязательно должно быть прочитано нечаянно, так и какое-то количество времени может и должно быть вырвано из нашей насквозь прагматизированной повседневности.

УПРАЖНЕНИЕ В ОБЩНОСТИ

Павел АРСЕНЬЕВ

ЭТО ЭССЕ БУДЕТ ПОСВЯЩЕНО НЕ УЛИЧНОМУ УНИВЕРСИТЕТУ. ПЕРЕСКАЗЫВАТЬ ЛЕГЕНДУ УЖЕ НАДОЕЛО. ВСЕ, КТО ЧТО-ТО СЛЫШАЛ О НЕМ—ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОЦЕНКИ ЭТОГО ОПЫТА—ЗНАЮТ, ЗАНЯТИЯ ПРОХОДЯТ НА УЛИЦЕ», ВОЗВРАЩЕНИЕ ПУБЛИЧНОСТИ

Помимо всех обсуждаемых «подрывных» тем, сам этот антропологический опыт в своей основе политичен, поскольку он есть «деятельность, приоткрывающая деятельность», своего рода обещание возможности изобретения нового использования коллективного времени и городского пространства. Территория города, так как она сконструирована столетиями полицейских процедур разметки, и производительное время жизни, бдительно отсчитываемое часами, более всего уязвимы не к захвату, но к их «нецелевому использованию». «Неописуемость» сообщества и его ускользание от социальных жанров совместного времяпрепровождения, равно как и отсутствие поименованного типа продукции, должной этим сообществом быть произведенной, также оказывается залогом максимальный свободы действий.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, Уличный помимо декларированного «производства критического знания» на улице производит навык совместности, не отягощенной императивами производительности и не подверженной проверке на рентабельность, также как институт или университет помимо изучаемых дисциплин в первую очередь обучает некоторой социальной дисциплине как таковой, а современный вуз и подавно подменил программу «развития всех человеческих способностей» инструктажем экономической адаптации. Давно замечено, что встречи на Соляном тяготеют к перерастанию в дальнейшее коллективное фланирование и провоцируют совершенствование искусства синхронного проживания. А именно это есть то, чего мы можем ожидать сегодня от «наших университетов».

This essay will not be about the Street University. I'm tired of retelling the story. Anyone who has heard of it, regardless of their opinion of the experiment, knows that its “self-organized classes are held in the street” and its “actions are aimed at putting the public back into public space.” But what is the Street University really, with its disorderly organization, its surplus capacity for generating myths, and the constant disappointments and charms this practice provokes in its participants.

Actually, it all happens like this. Despite the rules of order that are always being drawn up, to this day no one understands how the mechanism of creating the curriculum functions. Although there are announcements of well-known or personally interesting lecturers, there is always the risk of “coming for nothing” as it were. If in the beginning there was a danger of attacks by cops or Nazi skinheads, now there is a fear of certain “microphone hogs” appearing. The discussion is also constantly under the threat of euthanasia at the whim of the person responsible for that particular day's program or “prevailing weather conditions.” And, of course, it is always cold—at least in Petersburg. What is the use of this profanation, even if it is a profanation in the Agambenian sense, that is, the only possible response to the sacred underpinning of everyday practices, to the increasing officialization of the sites of knowledge and lifestyle production? Beyond the answer contained in this clarification of the question, we are talking about an exercise in community, about testing our capability to simply be together with others, despite all the shortcomings; together with others whom you don't even really know, just as you don't really know whether they are truly close to you ideologically; to be together with new, unexpected people at least once a week. Just as a certain number of books must be read accidentally, so a certain amount of time can and should be snatched from our thoroughly pragmatized everyday life. Aside from the “subversive” topics under discussion, this anthropological experiment itself is basically political, since it is an “activity that suspends activity,” a kind of promise that a new use for collective time and urban space will be invented. The territory of the city, as it has been shaped by centuries of police demarcating procedures, and the time of social reproduction, vigilantly measured out in hours, are most vulnerable not to seizure, but to “misuse.” The “indescribability” of this community and its escape from social genres of leisure time, just like the absence of a name for what this community should produce, is also a guarantee of maximum freedom of action. Thus, the Street University, in addition to its declared “production of critical knowledge in the street,” teaches the skill of a togetherness that is not burdened by the imperatives of productivity and not subjected to profitability checks, just as the contemporary university, in addition to the disciplines studied there, primarily teaches social discipline as such; so much the more has it replaced the program of “developing all human abilities” with instruction in economic adaptation. We have noticed long ago that the encounters in Solyanoy Alley tend to grow into extracurricular collective flaneurship and encourage us to perfect the art of synchronized living. And this is exactly what we can expect these days from “our universities.”

AN EXERCISE IN COMMUNITY

by Pavel ARSENIIEV

ГРУППА «РАДЕК» возникла как художественный проект Авдея Тер-Оганьяна «Школа Современного Искусства», которая стала в то же время образовательной институцией, средой обитания и орудием преобразования реальности.

Акции ШСИ

Авдея Тер-Оганьяна,

Внеправительственной Контрольной Комиссии или наши собственные групповые акции и высказывания не исчерпывали активности «Радека». Группа была не только пространством самообразования, обсуждения идей, не только задавала контекст для развития участников, но и сама была предметом нашего теоретического и художественного усилия. Внимание было сосредоточено на том, чтобы конструировать отношения между нами, экспериментировать с формами коммуникации, избегать иерархических образований внутри группы, настаивать на коллективном принятии решений. В художественном поле мы отказывались от личных подписей в пользу имени группы. Которая была пространством постоянной, напряженной этической, эстетической, интеллектуальной претензии друг к другу и вызова окружающим. Важно было что говорить, как говорить, как поступать и как выглядеть (но совсем не в смысле выглядеть модно, или выглядеть определенным образом). Философия была прямым руководством к тому, как распоряжаться своим временем, своими чувствами и своим телом, телом группы. Но ориентиром в том, что должен представлять собой «Радек» служила не только теория, мы следили за художественной ситуацией, воспринимали себя в первую очередь как художественную группу.

Анатолий Осмоловский, на семинарах которого мы получали теоретическое образование, считал «Радек» скорее субкультурой. Но в отличие от большинства молодежных субкультур «кумирами» для нас были не только рок музыканты, но больше некоторые современные художники и французские интеллектуалы, а субкультурным слэнгом стали философские термины, язык, заимствованный из анализа современных художественных практик. Все эти атрибуты служили не только тому, чтобы обозначать нашу разницу с окружающим социумом, но были скорее инструментами его анализа и конструирования собственного существования, в то время как обычный субкультурный сленг движим как правило нарциссическим упоением от собственной исключительности. Тем не менее, группа обладала некоторыми свойствами субкультурного сообщества: так, каждый, кто считался своим получал прозвища—Павло (это я), Ипсо (Быстров), Максо (Каракулов), Чтак (Чтак), Дато... Но, даже если воспринимать нас как субкультуру, стоит учесть, что мы старались довести ее до уровня произведения искусства. Одним из редких эпизодов, в котором само событие группы достигло такого уровня, стал небольшой эпизод в ночном клубе, куда мы пришли втроем в женских платьях. С нами был фотограф, который заснял на пленку атмосферу скуки и бесцельности, которая вдруг предстала перед объективом там, где вечное развлечение должно было бы упразднить подобные чувства. Мы не подражали женщинам, в отличие от трансвеститов, но давали свободно двигаться женскому в нас, пробовали новые образы себя. Такие поиски порой могут оказаться более политичны, чем выбор какой-нибудь из уже предложенных обществом субъективностей, даже если эта субъективность считается политической.

Было несколько мест, где мы постоянно проводили время вместе. В Перово мы много музицировали, там жил Максим Каракулов, с которым мы делали группу «i wanna kiss you», в этом месте проходили семинары Осмоловского, часто мы жили там по несколько дней. Много тусовались у Давида Тер-Оганьяна, который тогда жил в сквоте на Бауманской, в разное время в некоторых других местах. Но особенно у Петра Быстрова: Максим Каракулов писал у него диплом, а Чтак жил месяцами. Каждый предлагал для этого пространства интенсивного обмена то, что у него было на тот момент, мы старались не проводить время впустую.

DON'T DECLARE CHANGE—CONFIGURE IT

THE RADEK COMMUNITY arose within Avdei Ter-Oganyan's School of Contemporary Art (SCA) project, which was an educational institution, habitat, and tool for transformation rolled into one. The actions of the SCA, the Non-Governmental Control Commission or our own group actions and statements were not the extent of Radek's activity. THE GROUP WAS NOT just a space for self-education and discussing ideas. It not only created a context in which its participants could develop, but itself was a subject of our theoretical and artistic energies. Attention was focused on structuring relationships amongst ourselves, experimenting with forms of communication, avoiding the formation of hierarchies within the group, insisting on collective decision making. In the artistic field we refused to sign our own names, using instead the group name. What to say, how to say it, how to act and how to appear (although not at all in the sense of being fashionable or looking a certain way) were important. Philosophy was a direct guide for how to manage our time, our feelings and our body, the body of the group. But theory was not the only reference point for what Radek should be. We kept abreast of the art situation and conceived of ourselves primarily as an art group. ANATOLY Osmolovsky, in whose seminars we received our education in theory, considered Radek more of a subculture. In contrast to most youth subcultures, however, our "idols" were not only rock musicians, but also, and to a greater extent, certain contemporary artists and French intellectuals. Nevertheless, the group possessed certain qualities of a subculture community. But even you view us as a subculture, you should keep in mind that we attempted to raise it to the level of an artwork. One rare episode when the event that was the group itself reached this level was when three of us went to a nightclub dressed in women's clothes. We had a photographer with us who captured on film the atmosphere of boredom and aimlessness that suddenly appeared before the lens instead of the nonstop entertainment that should have banished such feelings.

Павел МИТЕНКО

by
Pavel MITENKO

НЕ ДЕКЛАРАТИВНО, А КОНФИГУРАТИВНО

Мы так же часто менялись одеждой, смещая отношения собственности. В какой-то момент мы выпускали теоретическую листовку "HandRADEK", где умещались пара-тройка небольших текстов, стихотворение, немного политинформации. Все это время у нас была музыкальная группа. [...] Среди того многого, что осталось вне художественной репрезентации (которая, кстати говоря, воспринималась нами как не более чем компромисс), движение Фристуллеров. Мы собирались на какой-нибудь площади со своими стульями и устраивали обсуждение прямо посреди города, возвращая его себе [...] «Радек» унаследовал от своих учителей дистанцию к институциям и -интерес к политике, и не только в ее молекулярных межличностных проявлениях. Но важно иметь в виду различие между нашими акциями и традиционным политическим активизмом, чтобы не воспринимать такое искусство как недополитику, также как не воспринимать активизм как рутину. Провести это различие, чтобы двигаться к его преодолению... Последней акцией группы «Радек» стала «Голодовка без объявления требований». Смысл ее состоял в том, чтобы подвергнуть ostrанению голодовку, как орудие политической борьбы. Любая голодовка предполагает две фундаментальные предпосылки: 1. есть некоторая внешняя властная

инстанция, свою подчиненность по отношению к которой мы признаем и даже рассчитываем на ее гуманность. 2. эта инстанция способна удовлетворить наши действительные требования. Эти предпосылки мы посчитали сомнительными и поэтому, проводя нашу голодовку, не выдвигали никаких требований, предъявляя чистую претензию, которая не может быть удовлетворена ни одной из существующих властей. Конечно, мы с нашей аналитической позицией оказывались уязвимы для этического аргумента, поскольку не были в отличии от активистов погружены в реальные проблемы реальных людей, но зато имели возможность использовать наши тела не только как орудие для достижения конкретной цели, но и как орудие мысли. Ведь подчинение жизненной активности идее эффективности само по себе приводит к отчуждению. Если сравнить нашу голодовку с июньской голодовкой в поддержку Лоскутова и против первомайского ментовского беспредела в Питере, то

становится еще яснее о каких различиях идет речь. Перед нами встает несколько вопросов. Можем ли мы в своих практиках признавать подчиненность государственной власти, есть ли еще какой-то смысл рассчитывать на ее гуманность? К тому же художественные практики последних ста лет дают нам множество примеров уличных действий, более осмысленных, изобретательных и ясных, чем простое перенесение технических средств классической живописи в пространства политической акции. Думается, мы не должны отказываться от смысла действий ради ложной идеи подчинения их эффективности акции, потому что эффективность сама связана с этим смыслом. Эта способность «Радека», умение высекать в мутной материи повседневности вспышки противодействия и ясного восприятия социальных отношений сама по себе стоит не многого. Без продуманной стратегии, без воли к совместному действию, без группового манифеста группа не может быть жизнеспособной. Но также как и отсутствие саморефлексии, внимания к собственной конфигурации многих политических групп, заставляет усомниться в их фундаментальном отличии от парламентарной политики. Поэтому ценен опыт «Радека», где благодаря вниманию, направленному на самую консистенцию взаимодействия была сформирована среда, не допускающая такого неразличения и самой своей конфигурацией отличающаяся от доминирующего типа общественных отношений.

Unlike transvestites, we did not imitate women. Rather, we allowed our feminine sides to move freely and tried out new self-images. Such quests can sometimes be more political than selecting one of the subjectivities already offered by society, even when that subjectivity is considered political. We also often exchanged clothes, displacing notions of ownership. At one point we published a theoretical pamphlet entitled HandRADEK, which contained two or three small texts, a poem, and a bit of political information. We had a music group all that time. The Freestooler movement is one of the many things that was beyond artistic representation (which, by the way, we perceived as nothing more than a compromise). We would gather in a square with our own chairs and hold a discussion right in the middle of the city, thus reclaiming it for ourselves. The final action of the Radek Community was the "Hunger Strike without Demands." The point of it was to defamiliarize the hunger strike as a tool of political struggle. Any hunger strike has two fundamental premises: 1. There is some external authority. We acknowledge our subordination to this authority and we even expect it to act humanely. 2. This authority is capable of meeting our actual demands. We considered these premises dubious and, therefore, when we held our hunger strike we did not make any demands. We made a pure demand that could not be satisfied by any existing authority.

We were unburdened by organizational work and the affective involvement in specific problems that prevents political activists from freely thinking through their actions and interrelationships. Of course, our analytical stance left us vulnerable to the ethical argument: unlike activists, we were not immersed in the real problems of real people. However, we were able to use our bodies not only as a tool for achieving a specific goal, but as a tool of thought. After all, subjecting one's life to the idea of efficacy in itself leads to estrangement. If we compare our hunger strike with the June hunger strike in support of Loskutov and against the May 1 excesses of the cops in Petersburg, then it becomes even more apparent what kinds of differences we are talking about. We are faced with several questions. In our practices, can we acknowledge our subordination to state power, and is there any sense in expecting it to act humanely? Also, the artistic practices of the last hundred years provide us with many examples of street actions that were more thoughtful, innovative, and clear, that did more than simply transfer the technical means of classical painting into the space of political action. It would seem that we should not reject the meaning of actions for the sake of the false idea that they should be subordinated to efficacy, because the efficacy of an action is itself bound up with that meaning. This ability of Radek—the ability to set off sparks of opposition and a clear perception of social relations in the murky matter of daily life—is not worth much on its own. Without a well-conceived strategy, without the will to joint action, without a group manifesto, a group cannot be viable, just as the absence of self-reflection and attention to their own configuration makes us doubt whether there is a fundamental difference between many political groups and parliamentary politics. That is why the experience of the Radek Community is valuable. Thanks to the attention given to the very substance of interaction, an environment was created that did not permit this lack of distinctions and that by its very configuration differed from the dominant type of social relations.

Текст публикуется в сокращенной версии.
Полная версия на <http://cbtdelat.org/>
This is an abridged version.
For the full text, go to <http://cbtdelat.org/>

избегать иерархических образований внутри группы, настаивать на коллективном принятии решений

имели возможность использовать наши тела не только как орудие для достижения конкретной цели, но и как орудие мысли

часто менялись одеждой, смещая отношения собственности

Screenplay working group: Nikolay OLEYNIKOV, Oleg JOURAVLEV, Dmitry VILENSKY and Kirill MEDVEDEV

Material for a Screenplay

TWO PLUS TWO THE STORY of the “COMMUNAL LIFE” SEMINAR

Opening titles:

The “communal life” seminar unites four disciplines and four young activists, representatives of two self-organized leftist collectives:

Nikolay Oleynikov (artist, Chto Delat workgroup)

Alexei Penzin (philosopher, Chto Delat workgroup)

Ilya Budraitskis (historian, artists, and activist, Vpered Socialist Movement)

Kirill Medvedev (poet and activist, Vpered Socialist Movement)

May 9, 2009, Nizhny Novgorod, Russia

Scene 1

BITTER JAGGER

The following fictitious text appears over footage from the beginning of the seminar:

CENTER for EXTREMISM PREVENTION

[internal memorandum]

Nizhny Novgorod, May 2, 2009

Covert surveillance of members of a number of political groups (Vpered Socialist Movement, antifascists, ex-NBP, etc.)

has produced intelligence that an unsanctioned organizationalmeeting will take place at 10 a.m., May 9, 2009, 24, Rozhdestvenskaya Street, under the cover of an art seminar. The meeting will be attended by the leaders of these organizations, who will arrive for this purpose from Moscow, and their most active members in Nizhny Novgorod.

It is possible that extremist literature will be distributed at this meeting and that its purpose is to organize provocations on Victory Day.

Operational mission:

1. Carry out a preventive inspection of the meeting.
2. Establish the identities of meeting participants.
3. Search and seize illegal materials—weapons, narcotics, extremist literature.
4. Carry out preventive arrests if warranted.

A platoon of twelve special-forces police officers will be assigned to assist in the operational mission along with a bus for transportation of detainees (up to fifteen people).

Command of the operation has been assigned to Lieutenant-Colonel Trifonov.

The seminar began with a screening of Jean-Luc Godard's 1968 film Sympathy for the Devil (One Plus One)

Documentary footage of the seminar: Seminar participants watch Godard's film. The camera pans back and forth several times from their faces to the screen. We hear the opening of the Rolling Stones song “Sympathy for the Devil.”

At some point, the participants began to daydream, replaying scenes from the film in their imaginations.

Scene 2

ANNA'S DREAM

(Shooting location: the park in the Nizhny Novgorod Kremlin)

In our film, the young woman is the personification of common sense. She is probably liberal, but not in a politically conscious sense. More likely, she is apolitical. As in Godard's film, the questions asked her resemble a questionnaire. They reproduce the thickheaded, senseless rhetoric of liberals. At the same time, this set of questions can be seen as testing the entire spectrum of questions discussed at the seminar.

It is important that the questionnaire is built around a dialectical play of paradoxes, where two contradictory statements converge in a simple yes/no reply. Some questions are directly lifted from the similar scene in Godard's film. Our scene is a re-enactment of that scene, although unlike the original, we include subjective shots from “within the scene.”

The scene is performed by students from the contemporary art program at the Nizhny Novgorod branch of the National Center for Contemporary Art. (Establishing shot: a young woman, Anna, is making a call on her mobile phone.)

—Who are you calling? Nikolay

Oleynikov?

—Yes.

—Lieutenant-Colonel Trifonov?

—Yes.

—Vitaly Klichko?

—Yes.

—Roman Abramovich?

—Yes.

—Anna Markovna Gor?

—Yes.

—Alexei Penzin?

—Yes.

—And he's not answering?

—No.

—Do you think that art is separate from

politics?

—Mmm... yes.

—Is there a fundamental difference between the left and the right, or are they two sides of the same coin?

—Yes.

—Should the state control art and culture?

—Well, no.

—Is authentic revolutionary art figurative or abstract?

—Yes.

—Is the nuclear family the last bastion of authentic sexuality and sensuality, or is it an outdated machine for oppressing women and making them domestic slaves?

—Yes.

—And do you think that today's business-women are wretched creatures?

—Probably not.

—Can one make love politically?

—What does that mean?

—Is there such a thing as leftist cuisine?

—What? (She smiles.) - Is embroidery always a leftist practice because women continued to be oppressed?

—Most likely yes.

—Is the orgasm the only thing you don't

fake?

—Yes.

—Are you playing this part because you're bored, or because you don't know how to define yourself politically?

—Yes.

—Do you check your e-mail first thing in the morning?

—Yes.

—And only then do you take a shower?

—Yes.

—Do you think that young people in Russia are depoliticized?

—I don't know. Probably yes.

—Will Russia have its own 1968?

—I don't know. Probably not. - Or will a new 1937 ensue?

—Really? When? (She is scared.)

—Will Putin again become president of Russia and serve two six-year terms?

—Yes, that will probably happen.

—And then ABBA will be commissioned to write the new Russian national anthem rather than Deep Purple?

—Yeah, yeah.

—Do the Americans refuse to leave Iraq because it's psychologically impossible?

—Yes.

—And that's why the Russians cannot hand the Caucasus over to the Americans?

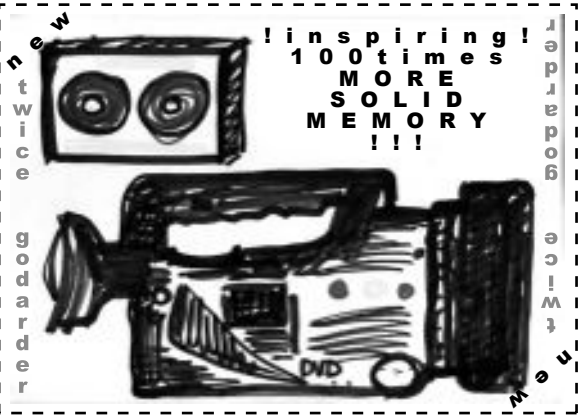
—Yes.

—Do you think that Russia should be a country primarily for ethnic Russians?

—No. But then again, why not?

—Do you believe that political rights should be guaranteed to the citizens of Russia?

—Yes.

I was inspired to make this film after the police forced me to delete video footage of the OMON raid on our seminar in Nizhny Novgorod. I was struck by their brazen confidence that they could erase things from people's memory as easily as you can delete a video

image. This film is meant as a response to their challenge. It shows that we can not only document the crimes of the authorities for posterity, but also shape our own space of interpretation. We can recreate our own histories, in which the deeds of the police will be remembered as shameful acts against society.

—Dmitry Vilensky

—Do you believe that radicals threaten the stability and moderate lifestyle of Russia's citizens?

—I think they do.

—And that their activities are funded by western organizations seeking to destabilize our country?

—This doesn't concern me.

—Will the Center for Extremism Prevention help solve the problems of young people?

—Yes.

—Are emus a threat to society?

—I've heard they are.

—Is it true that the Soviet Union's achievements in industry, science, and culture do not justify the number of individuals whose lives were destroyed by the totalitarian regime?

—Yes!

—Do you agree that the nineties were a very important period that gave us freedom, the market, and western culture, even if certain individuals had to suffer?

—Yes.

—Is the west fighting against Russia because it's the west?

—Yes.

—Is it an irony of history that as it struggles against Russian authoritarianism the west is becoming more and more undemo-

cratic?

—Probably. (She smiles.) - Is it also ironic that Russian liberalism is just the freedom

of the authorities to do as they please?

—Yes.

—Do you really think that to stop being an artist you have to become a revolutionary

artist?

—I don't know.

—When love dies, will we be totally at the mercy of biopolitics?

—Yes.

—And the only thing you'll understand after all those years is not to make love when you don't feel like it?

—Yes, yes...

(She walks away.)

Scene 3

OLEG'S NIGHTMARE

The camera returns us to the reality of the seminar, where the screening of Godard's film continues. We've come to the scene where the young hipster dictates the text of Mein Kampf to a secretary. We segue to an imaginary scene in a fashionable bar, where Oleg (an activist sociologist and seminar participant) is giving a lecture accompanied by a propagandistic slide presentation. The slide show is a kind of collage based on the texts of Russian Eurasianist leader Alexander Dugin (a flagrantly proto-fascist politician and intellectual), the posters of artist Alexei Belyaev-Guintovt (who is the Eurasianist movement's chief designer), and the covers of books by nationalist/right-wing Russian academics, who in recent times have been attempting to take control of philosophy and sociology departments in Russian universities.

Our young anti-hero is a “cool” activist with the Eurasian Youth Union (ESM). He reads passages from the ESM's manifesto (penned by Dugin) and demonstrates their glam aesthetics and rhetoric. The camera captures him against the backdrop of the screen on which this propaganda collage is displayed.

In our film, this scene is played differently than in the Godard film, while at the same fulfilling its principal function—to show how fascistoid tendencies are rooted in the dominant academic discourse of fundamentalists and interwoven with an everyday visual kitschiness founded on violence, exploitation of the female body, and pseudo-populism.

The glam atmosphere of the bar reminds us that “populism” in the contemporary Russian educational system is also a peculiar element of the environment in which today's gilded youth study—university departments privatized and thoroughly corrupted by common administrators.

Scene 4

THE EXPERIENCE of the REAL

(or, Meet Center “E”)

The camera returns again to the leftist seminar and focuses on the Godard film: the participants are watching one of the scenes where the Rolling Stones rehearse the song. Suddenly the screen goes blank and we hear the shouts of special-forces police (who walk in front of the white screen):

Everyone on your feet! Face the wall! Hands on your heads! Surrender your weapons and illegal items!

We then segue to the scene where police interrogations/negotiations with seminar participants are re-enacted and replayed.

Scene 5

LEFTIST CONVERSATION

Documentary footage of discussions at the seminar, which resumed after all the participants returned from the police precinct.

The themes of these conversations include: the legacy of the Russian avant-garde; issues of class structure in society and the place of the intellectual and artist within that structure; Russia and 1968; the connection between form and content; what it means to live in history, etc.

Scene 6

LEFTIST SYNTAX

The scene opens with a continuation of the film screening, but then one of the characters (Nikolay) begins to daydream, imagining himself in the role of the Black Panther leader in the film. As in Godard's work, our scene takes place in some kind of junky backyard. A group of young men dressed liked comic leftists (bandanas, keffiyehs) shoot toy pistols, paint graffiti on the walls, and drink. In the background, we see several young women painting the tall grass red and black with spray paint.

In this scene, we re-enact the interview with the Black Panther leader in Godard's film. As in his film, two young women conduct the interview. We thus engage here in self-criticism and satiric teasing of ourselves, but at the same time we reprise Godard's method for constructing dialogue, mixing absurd, superficial statements with important, thoughtful reflections.

In speaking of how Godard depicts the Black Panthers (although he is generally in solidarity with them, he criticizes them or shows how they are perceived by ordinary people), we imagine the archetype of the leftist radical, how he is perceived by “secular” critics, by common sense consciousness, which partly corresponds to what he really is. This perception boils down to two widespread notions of the radical: that of the terrorist, someone who is a threat to national security and the social peace, while at the same time being a “paid agent” of the west; and, simultaneously, that of the idler, bohemian, and hooligan. That is, he represents a threat to security, while also symbolizing a kind of sectarianism.

It is in this problematic that we find the connection between our film and Godard and his time, for the main object of his inquiry is alternative musicians and political activists as well-established media stars. And this is also the difference between our film and his: what happened to us in Nizhny Novgorod and similar incidents have only just begun to bring us media attention. Although in our film we will attempt to answer questions about our relationship to this honestly, this honesty will also contain a palpable element of satire and self-criticism.

Text of the scene:
—Are you satisfied with the seminar and everything that happened?
—Of course! The seminar was a success. For leftists like us, the combination of theory and praxis has an enormous, paramount significance. It is only through praxis that we can know history and create it, including cultural history. And so when the riot cops burst through the door, we definitely sensed that our cultural event, our appreciation of the past masterpieces of leftist culture, had acquired a practical and hence a historical dimension.

Chorus of Activists:
Definitely, definitely,
We all sensed, we all sensed
The historical dimension,
Dimension
—You scheduled your event for May 9 and placed announcements in the Internet where you deliberately underscored the connection with politics. Perhaps you were hoping for this effect? What did you hope to achieve?
—I would speak here of the dialectic of the accidental and inevitable. We did not set out to attract the attention of the security forces. However, the presence at the seminar of political activists known for their participation in street actions definitely played a role. The fact of the matter is that exploitation in our contemporary, post-Fordist society is becoming total in nature: it is no longer limited to particular production sites and the workplace.

Chorus of Activists:
Dialectics, dialectics
In the post-Fordist society,
Society
Is not limited, limited

In today's world, the role of workers engaged in immaterial labor is becoming greater.

Chorus of Activists:
Immaterial labor,
Workers, workers,
Role is becoming greater.

Today they are in the vanguard of the emancipatory process. It is they who produce new forms of cooperation opposed to the parasitic claims of capital. That is how we look at what happened—as an incursion by agents of corporate capital into the territory of the cooperative production and distribution of knowledge. And that is why we have no gripes with the riot cops themselves: they are just part of the spectacle that big business performs with support from a fascistoid society, first and foremost, with support from the middle class, which abides in a state of low-level consumerist frenzy, anabiosis, anemia, and amnesia.

—How important is the role of repressions, police interference, and the subsequent media frenzy in building your organization, in constructing its self-identity, public image and so on?

2 + 2 is 100000% new collection !!! ! +

same reason for any season

—You're considered the leader of your group. How do you deal, then, with the fact that leftists often appeal to democratic forms of organization?
—Where you see inconsistency, we see the dialectic! First, someone really has to take responsibility for making organizational decisions. And perhaps the effective way of making those decisions is to delegate them to one person when the need arises. But you should keep in mind that we're totally against all forms of leaderism. And second, we believe that the future belongs to organizations that creatively combine the principles of networked, participatory democracy with the tradition of democratic centralism. We stand for revolutionary leadership that is absolutely strictly controlled from below.

Chorus of Activists:
Absolutely strictly
Controlled
From below, from below

—You often use the word “leftist”—leftist history, leftist philosophy, leftist poetry. Is there such a thing as leftist sex or leftist food? Or, for example, leftist yoga? Might there be leftist restaurants or leftist drug stores in the future?
—I don't see anything wrong with this. Nevertheless, I think that drug stores should serve everyone. Such is our vision. But our group's priority is to fight for the hegemony of leftist ideas in society. The discourse of the right, which is hierarchical and openly or secretly repressive, is practically total in contemporary society.

оружие резиновые перчатки

новое оружие

-100%

зубные щетки

%%%

We're already in...

NEW!!! NEW!!! NEW!!!

1200 TIMES BETTER MORE

штопоры

Chorus of Activists:
The discourse is total,
Total
The discourse is hierarchical,
Hierarchical

So when we attain hegemony, the greater part of both private and public processes in society will become leftist—that is, based on free discussion, cooperative immaterial labor, and egalitarian distribution. That is our agenda. But only a leftist biopolitical revolution can give a definitive answer to your questions and to the challenges of our time.

Chorus of Activists:
Revolution
Biopolitical revolution
Definitive answer
Definitive...

—According to sociologists, male heterosexuals constitute the vast majority of members in organizations like yours. Can we speak of male dominance in such organizations?
—With us it is totally the other way around. All the men in our organization define themselves as feminists. Only in this way do we feel we have the right and possibility to defend all the weak and oppressed people, including women, who need our defense and our support.
—What is your social base?
How do you stay in touch with the proletariat?

—Workers like us expend all their strength in creating the kind of art that by rights should belong to the common man. That is why the distribution and socialization of our art is not effected through the channels of power and private galleries. The new communist art generates a new intellectual continuum on the streets, in cinema clubs, in universities, and in seminars. It is created primarily for students and activists, but this means only that its intellectual strength and formal, aesthetic precision are not the victims of intellectual propaganda. On the contrary, they raise the dialogue with the proletariat to a fundamentally new level, to a new stage of development. For it is only by entering the history of art that we can enter the history of the workers movement.

Chorus of Activists:
We will enter history
We will enter
We're already in...

—What are your relations with other representatives of the left wing?
—I see that you've seen the Godard film, right? The same old question about factions. On the whole, we understand the need to consolidate all competent leftist forces, with the exception, of course, of certain ultra-marginal groupuscules like the Trotskyists, Maoists, Stalinists, anarchists, Eurocommunists, on the one hand, and, on the other, such outmoded, ideologically flabby walking corpses as the CPRF. So before we unite we need to distance ourselves decisively from all these phantoms of the past and form a genuinely new left front.

—This will probably be my last question. What will leftists do when they come to power?

—I see what you're after. You know all the old questions, but it's clear that for now you don't know any new answers. I can tell you this. We stand on the threshold of a rediscovery of what power is in general. Our task cannot be boiled down to the seizure of power. Our task is to change the world without taking the kind of power that makes all liberals quiver and that our ideological enemies aim to seize. That is how I see it.

—Thanks a lot. Thank you.

Scene 7

NEW LEFTIST THOUGHT

After the activists in the previous scene have painted the slogan “Leftist Thought” on a wall, the young woman who was painting the weeds red runs up to the wall and writes “New Leftist Thought” on it.

THE END

ЗЛЫЕ, ГОЛОДНЫЕ И АНГАЖИРОВАННЫЕ

Павел АРСЕНЬЕВ
by Pavel ARSENIYEV

С 28 МАЯ ПО 10 ИЮНЯ НЕСКОЛЬКО ХУДОЖНИКОВ В ПЕТЕРБУРГЕ УСТРОИЛИ ПЛЕНЭР ПЕРЕД СМОЛЬНЫМ, ГДЕ ПИСАЛИ УЖАС (РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ) С НАТУРЫ. **С 28 МАЯ ПО 10 ИЮНЯ** ЭТИ ХУДОЖНИКИ ГОЛОДАЛИ.

FROM MAY 28 TO JUNE 10, 2009, SEVERAL ARTISTS IN PETERSBURG ORGANIZED A PLEIN AIR SESSION OUTSIDE THE SMOLNY INSTITUTE (PETERSBURG CITY HALL), WHERE THEY PAINTED THE HORROR (OF RUSSIAN REALITY) FROM LIFE. FROM MAY 28 TO JUNE 10 THOSE ARTISTS WERE ON A HUNGER STRIKE.

Лучше всего сперва передать их собственные слова:

«За прекрасными пейзажами Санкт-Петербурга скрывается мрачная реальность вызовов на профилактические беседы, запугивания общественных активистов, безнаказанность ментов на улицах. Долг людей творчества—отображать реальность, какой бы ужасной она ни была, выявляя ее темные стороны. [...] Массовое незаконное задержание организованного художниками Питера первомайского уличного шествия, вкупе с новосибирским арестом по абсурдному обвинению нашего «собрата по цеху» Артема Лоскутова не оставляет ни сомнений, ни выбора. Мы, художники Санкт-Петербурга, вынуждены объявить голодовку с целью призвать власть соблюдать свои собственные законы и наши конституционные права и прекратить репрессии в отношении деятелей искусства. Криминализация современного искусства должна быть прекращена!».

На протяжении 14 дней к художникам присоединяются новые и новые люди, кто-то тоже начинает голодать, кто-то приходит со своими мольбертами, кто-то—со стихами или гитарой, кто-то просто приходит. Несмотря на жаркие дни и холодные ночи, количество приходящих поддержать постоянно увеличивается. Не обходят интересом гражданско-художественную инициативу и сотрудники милиции. Каждый день приходят переписывать документы художников и отгонять журналистов. На седьмой день им приходит в голову оригинальная идея или разнарядка—приходят задерживать, так как голодовку нужно было согласовывать с властями, а иначе она оказывается несанкционированной... На восьмой—одному из голодающих приходится вызвать скорую. Человек жалуется на острую боль в желудке и тошноту, периодически у него поднимается температура. Обнаружен острый гастрит и предложена госпитализация, но он отказывается до выполнения требований. Затем, на протяжении четырех дней в городе продолжается проливной дождь и экономический форум, но требования голодающих художников по-прежнему лишены какой-либо очевидной реакции властей.

9 июня в нескольких городах страны проходит день единых действий в поддержку Лоскутова. 10 июня суд изменяет меру пресечения на подписку о невыезде и Артёма отпускают. Другое—«питерское»—требование голодающих оказывается также частично удовлетворенным (рабочая группа Комиссии по правам человека при губернаторе Санкт-Петербурга начала рассматривать вопрос о незаконном разгоне первомайского шествия), художники объявляют о прекращении голодовки с целью довести до конца начавший процесс осуществления требований.

Стараясь как можно чаще бывать на голодовке-пленэре и стараясь привлечь туда максимальное число друзей и знакомых, ты все же не находишься там постоянно. Ты являешься для того, чтобы поддержать ребят и приобщиться к их исключительному антропологическому вызову. Но общность от начала и до конца существует только между теми, кому некуда возвращаться. Потому этот казалось бы «безвозвратно оставшийся в тоталитарном прошлом» опыт со-противления, сочетающий в себе так редко сочетающиеся полную легальность (точнее нечто присущее голой жизни, никаким законом не отчуждаемое) и эффективность, и смог не только продлиться так долго, но и добиться удовлетворения всех выдвинутых требований.

Разумеется, как и всякий в наше время, этот опыт нуждался в трансляции (медиировании) для того, чтобы стать сообщением. Несмотря на то, что разворачивался прямо на глазах у потенциальных адресатов. И только благодаря активному распространению информации о голодовке сочувствующими и репортерами, т.е. так называемой «шумихе в СМИ», этот подвиг смог не просто застыть в мемориальной безупречности, но произвести некоторое действие.

Но и эта, казалось бы вспомогательная деятельность была одним из концентрических кругов солидарности, индуцируемой на голодовке. Общность, вырабатываемая в эпицентре—на голодовке-пленэре—захватывала в той или иной степени каждого, кто там побывал. Во время нее каждый мог диагностировать свою меру способности к совместности, равно как и количество и силу обстоятельств, ей препятствующих. Но если вышло, что голодовка-пленэр это своего рода спонтанный выплеск солидарности, чрезвычайный ответ на действия «чрезвычайных органов», то после первой победы наконец является необходимостью осмыслить наше общее положение, как хронически чрезвычайное, а общественные отношения как непрекращающуюся войну за сохранение или изменение баланса сил. И здесь стоит обратиться непосредственно к субъекту, оказавшемуся наиболее чувствительным к проводящимся «мерам по ужесточению», а именно художникам. В отличие от Уличного Университета и «Левого семинара», акт художников настаивал на ровно обратном риторическом эффекте: «Искусство—не экстремизм. Художник может быть только свободным» (читай, от «идеологических догм, социально-политической принадлежности и вообще всего, связанного с «позицией», т.е. в первую очередь свободным от некоего злокачественного фанатизма, которым обычно экстремизм и характеризуется»). Именно в этой идеологической незапятнанности искусства художникам обычно и видится его основной освободительный потенциал. Однако когда художник вынужден озвучить призыв к «живописанию ужасов самой действительности» и даже к личной вовлеченности в это живописание [«писать кровью»], продолжать отстаивать автономию искусства как безработной негативности или регуляции собственной психосоматики, как-то уже запоздало. Клонить к тому, что «мы занимаемся просто искусством» и разыгрывать карту автономии нужно всегда понимая, что, во-первых, всякое выгораживание сакрального пространства в конечном счете реакционно, а, во-вторых, помня, что тревожная политическая ситуация 20-30-х гг. была осмыслена как ситуация необходимости выбора, в т.ч. идеологического. В вегетерианские периоды прямая ангажированность, возможно, и ненеобходима для художника, но в иные эпохи открытая политическая ангажированность становится уже вопросом выживания и творческой состоятельности художника.

It would be best to quote their words first:

“The beautiful views of St. Petersburg conceal a grim reality: summonses to prophylactic interviews, intimidation of civic activists, and cops acting with impunity in the streets. It is the duty of artists to reflect reality, no matter how horrific, by exposing its darker aspects. [...] The illegal mass detention of the May 1 street demonstration organized by Petersburg artists, along with the arrest of our ‘brother in art’ Artem Loskutov in Novosibirsk on an absurd charge leave us with no doubts, and no choice. We, the artists of St. Petersburg, are forced to declare a hunger strike with the goal of appealing to the authorities to observe their own laws and our constitutional rights, and to cease the repression of artists. There must be an end to the criminalization of contemporary art.”

Over the course of fourteen days more and more people join the artists. Some also go on hunger strike, while others show up with their easels. Some bring their poems or guitars, while others just come to be there. Despite the hot days and cold nights, the number of people coming to support the hunger strikers continues to grow. Police officers also show an interest in the civic art initiative. They come every day to copy down the information in the artists' ID papers and chase the journalists away. On the seventh day, they either have a bright idea or they get an assignment: to detain people. It turns out that permission should have been obtained from the authorities for the hunger strike, which is otherwise unauthorized. On the eighth day, an ambulance has to be called for one of the hunger strikers. He complains of sharp stomach pains and nausea, and he has an occasional high temperature. They diagnose acute gastritis and recommend hospitalization, but he refuses to go until the demands are met. Then, for four days, pouring rain and the international economic forum engulf the city, but there is still no visible reaction to the artists' demands on the part of the authorities. On June 9, several cities throughout the country observe a day of solidarity in support of Loskutov. On June 10, a court reverses the earlier custody ruling and releases Loskutov on his own recognizance. Another (local) demand of the hunger strikers is also partly met: a working group of the Petersburg Governor's Human Rights Commission takes up the issue of the illegal dispersal of the May 1 demonstration. The artists announce the end of their hunger strike in order to see through the process of getting their demands met.

While you try to be at the plein air hunger strike as much as possible and bring as many friends and acquaintances there as possible, still you aren't there all the time. You come to support the guys and be part of their exceptional, anthropological challenge. But community from start to finish exists only among those who have nowhere to return. That is why this experience of joint resistance (an experience that had seemingly “vanished forever with the totalitarian past”), which was a rare combination of total legality (or, more precisely, something peculiar to bare life that cannot be alienated by any law) and efficacy, was not only able to last so long, but also to achieve all of its demands. Of course, like any other such experience in our time, this one had to be transmitted (mediated) to become a message, even though it unfolded right before the eyes of its potential recipients. And it was only thanks to the active dissemination of information about the hunger strike by sympathizers and reporters, i.e., the so-called “media frenzy,” that this heroic deed was able to not simply become a beautiful memory, but to generate some action. Even this seemingly auxiliary activity was one of the concentric circles of solidarity initiated at the hunger strike. The community developed at the epicenter, at the plein air hunger strike, encompassed everyone who spent time there to a greater or lesser degree. During the hunger strike, each person could diagnose their aptitude for coexistence, as well as the quantity and force of circumstances militating against it.

But if it turns out that the plein air hunger strike was a kind of spontaneous expression of solidarity, a special response to the actions of the “special forces,” then after this initial victory it is finally necessary to interpret our common condition as a chronic state of emergency, and social relations as a never-ending war to preserve or alter the balance of power. Here it is worth turning to the subjects who turned out to be most sensitive to “crackdown measures,” that is, to the artists. In contrast to the Street University and the Leftist Seminar, the artists insisted in their deed on precisely the opposite rhetorical effect: **Art is not extremism. The artist can only be free.** (Read: “Free from ideological dogmas, sociopolitical affiliation and anything connected with a ‘position,’” i.e., free, first of all, from the malignant fanaticism that usually characterizes extremism.) It is precisely in art's ideological spotlessness that artists usually see its essential liberating potential. However, when the artist is forced to send out a call to “paint the horrors of reality itself” and even to become personally involved in this painting [to “paint in blood”], it is somehow a belated gesture to continue to defend the autonomy of art as inoperative negativity or the self-regulation of psychosomatics. When you're inclined to say “we are just making art” and play the autonomy card, you need to understand, first of all, that any screening off of sacred space is, in the final analysis, reactionary and, second, to remember that the troubled political situation of the twenties and thirties was seen as a situation in which choice, including ideological choice, was required.

During vegetarian times, direct engagement may not be necessary for the artist, but during other periods open political commitment becomes a question of survival and the artist's creative solvency.

[3]

COMMUNIQUE
ON POLITICIZATION
OF ART

КОММЮНИКЕ
О ПОЛИТИЗАЦИИ
ИСКУССТВА

[5]

[1]

[2]

[4]

[6]

Мы—исследователи, художники и активисты, инициаторы и участники семинара «Общежитие», который состоялся 9 мая в Нижегородском Государственном Центре Современного Искусства и был подвергнут незаконному нападению отряда специального назначения «Центра по борьбе с экстремизмом» призываем всех выразить солидарный протест против серии грубейших нарушений основных конституционных прав и свобод, которые стали нормой в современной России.

Мы видим одну причину атаки силового ведомства на наш семинар—участие в этом семинаре активистов. Обществу дан сигнал о границах политизации искусства и академической работы: «если вы будете привлекать к культурным и научным мероприятиям людей, за которыми установлено наблюдение центра по борьбе с экстремизмом, то органы готовы вмешаться в их проведение ».

Мы утверждаем, опираясь на историческую традицию политических практик в искусстве и мысли, что визуальное искусство и поэзия, философия и гуманитарная наука обладают мощным освободительным потенциалом. Именно поэтому современная культура не мыслима без распространения среди людей, не равнодушных к процессам происходящим в обществе. Именно этого и боятся полицейские органы, которые устраивают сегодня, в худших традициях бандитских сериалов, налеты на людей, мирно беседующих об искусстве и философии, смотрящих фильм Годара и думающих о том, каким может и должно быть место искусства и мысли в публичной жизни общества.

Важно сказать, что своей главной цели—запугивания участников семинара—«Центр Э» не достиг: после бездарного и позорного для «чести» милиционеров задержания участников (в том числе и несовершеннолетних детей), все участники вернулись и продолжили семинар. И этот ободряющий факт вдохновляет нас продолжить нашу активность, направленную на сближение гуманитарных дисциплин и творчества с реальными практиками сопротивления, создавая единое пространство критического искусства, мысли и действия.

Мы обращаемся к художественной и интеллектуальной среде: Вы думаете, что оградили себя от политики, заняв пассивную позицию? Вы считаете, что активисты и художники-леваки всего-навсего ищут для себя приключений и сами виноваты во всех своих проблемах? Но, у этой власти, которая сегодня, без всяких законных оснований задерживает политических активистов, завтра под подозрением окажется любой, кто пытается жить и мыслить вне рамок навязываемой обществу «нормы» — консюмеризм, холуйство, национализм, криминал.

Мы убеждены в том, что пришла пора ясно осознать: больше нет возможности отделить «своё» поле «чистого» искусства и науки, от «чужого» поля «грязной» политической борьбы. И происходит это не в силу недоразумения, а потому, что искусство и политика неразделимы, их связь опосредована и многосложна, и либо мы будем осваивать её в своей артистической/научной/активистской практике, либо, в противном случае органы будут заниматься собственными «изысканиями», в которых нам заранее отведена роль пассивных молчаливых объектов.

Поэтому мы предлагаем вам: присоединяйтесь к простому и понятному призыву «Нет экстремизму власти. Долой милицейский произвол».

That is why we ask you to join us in our simple and clear appeal: “No to the extremism of the authorities! Down with police abuse of power!”

We, the researchers, artists, and activists who initiated and participated in the “Communal Life” seminar, which took place on May 9, 2009, in the Nizhny Novgorod branch of the National Center for Contemporary Art (NCCA) and was subjected to an illegal raid by the Center for Extremism Prevention (Center “E”), call on everyone to protest the crude violations of constitutional rights and liberties that have become the norm in today’s Russia.

We see only one reason for law enforcement’s attack on our seminar: the fact that activists were among the participants. Society has been sent a signal about how far art and academic work can be politicized: If you involve people who are under the surveillance of the Center for Extremism Prevention in your cultural and academic events, then the authorities are prepared to intervene.

Drawing on the historical tradition of political practices in art and thought, we affirm that visual art, poetry, philosophy, and the humanities possess a powerful emancipatory potential. That is why contemporary culture is unthinkable unless it extends to people who are not indifferent to the processes taking place in society. This is what scares the policemen who, in the worst traditions of TV crime serials, carry out raids on people as they peacefully discuss art and philosophy, watch a Godard film, and think about the place of art and thought in public life.

Center “E” did not achieve its main goal: to intimidate seminar participants. After their officers disgraced the “honor” of the badge with their bungled raid (during which children were detained along with adults), all seminar participants returned to the NCCA and continued their work. This encouraging fact inspires us to go on with our task of bringing the humanities and creativity closer to real resistance practices, thus creating a unified space for critical art, thought, and action.

We appeal to the artistic and intellectual communities. Do you think that you have shielded yourself from politics by adopting a passive stance? Do you believe that activists and leftist artists are just looking for trouble and are to blame for all their own problems? The problem, however, is that while today it is political activists who are arrested by the current powers that be without any legal basis, tomorrow their suspicions will be aroused by anyone who tries to live and think outside the “norms” foisted on society-consumerism, toadyism, nationalism, and criminality.

We are convinced that the time has come to realize that there is no longer any way to separate “our” field of “pure” art and scholarship from “their” “dirty” political struggle. And that this is happening not because of a misunderstanding, but because art and politics are indivisible. Either we can assimilate their mediated, complicated link in our artistic, academic and activist practices, or we can let the security forces take up their own “research projects,” in which we are doomed to the role of silent, passive test subjects.

ХУДСОВЕТ. ПОПЫТКА САМООПИСАНИЯ.

Подготовил
Никита КАДАН

В КИЕВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ, основанный летом 2008 года, вошли ряд молодых художников, архитекторов, переводчиков, политических активистов, теоретиков литературы, кураторов, дизайнеров, публицистов – всего девятнадцать человек. Худсовет функционирует как кураторская группа, и, в то же время, как дискуссионное и само- (взаимо-) образовательное сообщество. Проекты Худсовета основываются на коммуникации, которая осознается участниками и как самостоятельная ценность, как источник удовольствия и как возможность выйти за границы отчужденных областей специального знания. РАБОТА ХУДСОВЕТА строится на всеобщей проговоренности и принятые во вне-авторитарном пространстве решения многократно омыты и сформированы потоками речи. Это очевидно снижает мобильность Худсовета: осуществляемая в нерегулярных встречах и обмене письмами, его деятельность может наращивать лишь очень ограниченную скорость. Но такое замедление и удерживает нас от попадания в конкурентную среду сегодняшней культурной индустрии, где быстрота художественного производства и показа возгоняется до полного опустошения и обесмысливания высказывания. САМ ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ процесс, аргументы и мотивации сделанного выбора всегда в пространстве общего доступа. Любая выставка и сопутствующие ей дискуссии, круглые столы, экскурсии и городские интервенции (например—участие в борьбе с застройкой на месте публичного сквера) посвящены возвращению категории «взглядов художника», до того практически выведенной из обихода в киевской художественной среде. ВТОРАЯ ЧАСТЬ этого текста—попытка ситуативного самоописания Художественного Совета, ответы его членов на вопросы о мотивациях своего участия, которые постоянно пересматриваются нами в процессе совместного проведения времени, общения и работы, притяжения и отталкивания, фрагментации и объединения. Но нельзя сказать, что этот слепок нынешнего состояния сообщества напрочь лишен свойств программы – это программа в становлении. Она сохраняет актуальность лишь столько времени, сколько будет оставаться в развитии.

Евгения БЕЛУРОУСЕЦ
редактор интернет-журнала PROSTORY
Evgenia BELORUSETS
editor of PROSTORY webzine

Я вижу своё участие в Худсовете, среди прочего, как один из редких шансов сделать зрителем. В условиях тотальной атомизации человека, культуры и политики, а именно она особенно остро ощущается в Киеве, быть зрителем сложно до невозможного. Потому что акции суждения или взгляда падают, погружаясь в безостановочный дрейф, и вместе с их падением исчезает желание и необходимость что-либо видеть—в лучшем случае восприятие замыкается в стенах герметичной личности, которая остаётся для себя самой живым и ранимым архивом атакуемых ценностей. Разные сферы деятельности и знания участников Худсовета, их диалог, – создают предпосылки для кардинальной смены оптики, альтернативу мультимонологичности. Художественное произведение отчасти формируется и существует в пространстве разговора о нем, теперь его можно увидеть в преломлениях нашего взаимодействия, оно становится стержнем для целого ряда явлений, сгруппированных вокруг него, становится множеством центров, возникающих в поле центробежной и центростремительной тяги дискуссии.

Галина ЕРКО
выпускающий редактор журнала «АСС»
(«Архитектура, критика, культура»)
Galina ERKO
production editor of the journal ACC
(Architecture, Criticism, Culture)

Теоретики и практики собранные в одном котле—едкая смесь, стирающая границы. Из саркастического критика превращаешься в сочувствующего сотрудника. Худсовет—пространство, от которого много ждешь, в том числе и от себя.

Aside from everything else, I see my participation in the Arts Council as a rare chance to act as a spectator. Amidst the total atomization of the individual, culture, and politics—which is felt especially acutely in Kiev—it is difficult, if not impossible, to be a viewer. Because the value of judgment or opinion is falling in value, plunging into a steady drift, and along with them goes the desire and need to see anything. In the best case, perception is locked within the walls of the hermetic individual, which remains for itself a living and vulnerable archive of values under attack. The different areas of activity and knowledge of the Arts Council participants and their dialogue create the prerequisites for a fundamental change in optics, an alternative to multimonologism. The work of art is often developed and exists in the space of conversation about it, but now it can be seen in the refractions of our interaction. It becomes the core for an entire series of phenomena grouped around it, a multitude of centers arising in the field of the centrifugal and centripetal force of discussion.

Theorists and practitioners gathered in one pot—that’s a caustic mixture that erodes boundaries. You turn from a sarcastic critic into a sympathetic coworker. The Arts Council is a space from which you expect a lot, including from yourself.

Владислав ГОЛДАКОВСКИЙ
архитектор
Vladislav GOLDAKOVSKY
architect

Для меня коллективная работа—всегда усилие. Приходится иметь дело с общей целью, общими взглядами, которые не всегда ясно определены в начале, и требуют массу терпения для выяснения. Как правило, это общее не является чем-то действительно общим, то есть одним для всех, как, например, точка зрения, а скорее структурированным множеством, где структура, ограничение множества и есть общее. Мне бы хотелось научиться делать правильный выбор, то есть, будучи частью множества, находить такое место индивидуальному, при котором общее будет наиболее эффективным.

Василий ЛОЗИНСКИЙ
переводчик, литературовед
Vasily LOZINSKY
translator, literary scholar

Художник способен в своей практике давать выражение идеологическим конфликтам и противоречиям, а также формулировать для общества возможности их решения. Обмен знаниями из разных дисциплин позволяет поднять планку гласности в обществе и является поиском новых путей развития социума

Василий ЛОЗИНСКИЙ
переводчик, литературовед
Vasily LOZINSKY
translator, literary scholar

For me, collective work is always an effort. You have to deal with a common goal and common views that aren’t always clearly defined in the beginning and require a huge amount of patience to clarify. Usually, what is held in common isn’t really held in common, in the sense of one thing for everyone, such as a point of view, but is rather structured by the multitude, where the structure and limitation of the multitude is the common element. I would like to learn how to make the right choice, in other words, while being part of the multitude, to find this same place for the individual in which the common cause will be most effective.

The artist is capable in his practice of giving expression to ideological conflicts and contradictions, and also of formulating for society possible ways of solving them. Exchange of knowledge from different disciplines makes it possible to raise the bar of openness in society. It is a quest for new ways of developing society.

Edited by
Nikita KADAN

THE ARTS COUNCIL: AN ATTEMPT AT SELF-DESCRIPTION

THE KIEV ART COUNCIL (Khudsovet), founded in summer 2008, unites a number of young artists, architects, translators, political activists, literary theorists, curators, designers, and journalists—a total of nineteen people.* The Arts Council functions as a curatorial group and, at the same time, as a discussion and self- (mutual-) education community. The projects of the Arts Council are based on communication, which the participants perceive as something intrinsically valuable, as a source of pleasure, and as an opportunity to go beyond the limits of alienated fields of specialized knowledge. THE WORK of the Arts Council is built on total verbalization and clear argumentation. Decisions made in this non-authoritarian space are repeatedly bathed and formed by the flow of words. This obviously restricts the mobility of the Arts Council: produced via irregular meetings and written correspondence, its activity can attain only a quite limited velocity. But such deceleration also holds us back from the competitive environment of today’s culture industry, where the speed of production and exposition renders the artistic utterance completely empty and senseless. The organizational process itself, the arguments and motivations for the selection were made publicly accessible. Exhibitions and the accompanying discussions, round tables, excursions, and urban interventions (participation in protests against redevelopment of a public square) always mean to revive the category “the artist’s views,” which had almost entirely fallen into disuse in Kiev’s artistic circles. THE SECOND PART of this text is an attempt at a situational self-description of the Arts Council. Members explain their reasons for participating. It should be kept in mind that we are continually reviewing these motivations in the process of spending time together, interaction and work, attraction and repulsion, fragmentation and association. But it cannot be said that this snapshot of the current state of the community is devoid of programmatic attributes: it is a program in the making. Ossification is disastrous for it. It can continue to be relevant only as long as it continues to develop.

Андрей МОВЧАН
политический активист, журналист,
участник движения «Новые Левые»

Andrei MOVCHAN
political activist, journalist,
member of the New Leftists movement

Участие в Худсовете для меня означает наличие некоего культурного фронта. Это возможность актуализировать в публичном пространстве темы, которые обычно невозможно проговорить в прессе, науке или повседневной жизни. «Худсовет»—это союз личностей, имеющих общие этические позиции. И потому готовых вскрывать язвы нашего общества, выпускать в свое творчество улицы, и тем самым пробовать переосмыслить действительность. Для меня Худсовет является возможностью заявить, о том, что существует пространство миллионов, где ежедневно идет борьба. Это момент, когда новое поколение украинских художников проговаривает то, о чем молчат картины их предшественников

Владимир КУЗНЕЦОВ
художник
Vladimir KUZNETSOV
artist

Худсовет я воспринимаю как добровольно взращиваемый художественный организм. Взгляд каждого в Худсовете важен, в дискуссии этот взгляд проверяется на жизнеспособность.

Иван МЕЛЬНИЧУК
архитектор
Ivan MELNITCHUK
architect

Я покину группу, как только начнут поступать указания сверху, а также, если у других членов появятся маниакальные идеи на счет собственной важности и соответствующий блеск в глазах. И, конечно же, если подобное начнет происходить со мной, друзья и товарищи помогут остановиться.

For me, participation in the Arts Council means that there is a kind of cultural front. It is an opportunity to actualize in public space topics that usually cannot be verbalized in the press, academia or daily life. The Arts Council is a union of individuals who share ethical positions. And that is why they are prepared to expose the ills of our society, to allow the streets into their creative work and thereby attempt to rethink reality. For me, the Arts Council is an opportunity to declare that there is a space of millions where the struggle goes on daily. This is a moment when the new generation of Ukrainian artists is verbalizing everything the paintings of their predecessors were silent about.

I see the Arts Council as a voluntarily cultivated artistic organism. The view of each person in the Arts Council is important, and the viability of that view is tested in discussion.

УЧАСТНИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОВЕТА:
Василий Лозинский (литературовед, переводчик), Юрий Кручак Юлия Костерева (художники, члены группы OPEN PLACE), Антон Смирнов (дизайнер), Ксения Гнилицкая, Лёся Хоменко, Виктория Кузнецова, Жанна Кадырова, Лада Наконечная, Никита Кадан (художники, члены группы Р.Э.П.)

THE MEMBERS OF THE ARTIST COUNCIL ARE:
Evgenia Beloruset (editor of PROSTORY webzine www.prostory.net.ua), Andre Movchan (journalist, political activist, member of the New Leftists movement), Dmitri Ermolov (artists, members of the OPEN PLACE group), Yuri Kruchak & Yulia Kostereva (artists, members of the OPEN PLACE group), Anton Smirnov (designer), Ksenia Gnilitskaya, Lesya Khomenko, Zhanina Kadyrova, Lada Nakonechnaya, Nikita Kadan (artists, members of the group R.E.P.)

Евгения Белорусец (редактор интернет-журнала PROSTORY www.prostory.net.ua), Александр Бурлака, Владислав Голдаковский, Иван Мельничук (архитекторы, члены «Группы предметов»), Андрей Мовчан (журналист, политический активист, участник движения «Новые левые»), Галина Ерко (выпускающий редактор журнала «АСС» («Архитектура, критика, культура»)), Юрий Кручак & Юлия Костерева (художники, члены группы OPEN PLACE), Антон Смирнов (дизайнер), Ксения Гнилицкая, Лёся Хоменко, Виктория Кузнецова, Жанна Кадырова, Лада Наконечная, Никита Кадан (художники, члены группы Р.Э.П.)

Alexander Burlaka, Vladislav Goldakovsky, Ivan Melnichuk (architects, members of the Group of Objects), Vasily Lozinsky (literary scholar, translator), Andre Movchan (journalist, political activist, member of the New Leftists movement), Galina Erko (production editor of ACC (Architecture, Criticism, Culture)), Yuri Kruchak & Yulia Kostereva (artists, members of the OPEN PLACE group), Dmitri Ermolov (artists, members of the OPEN PLACE group), Anton Smirnov (designer), Ksenia Gnilitskaya, Lesya Khomenko, Zhanina Kadyrova, Lada Nakonechnaya, Nikita Kadan (artists, members of the group R.E.P.)

WE ARE NOT OFF!

IN LIGHT of the developing situation around the Subvision project in Hamburg, we find it necessary to make following statement with regard to our participation. ONLY a few months before the festival opened, we - and many other participants - received private letters warning us that the festival is a product and instrument of neo-liberal hegemony and a means of advertising the creative potential of Hamburg's gentrified Hafen-City. We were also told that Subvision had taken money out of funding usually given to local initiatives, money that was now being used to brand Hamburg as a center of the "creative industries." OF COURSE, we do not know enough about Hamburg, so it has been hard to find out what is really going on. The letters we received contained a great deal of contradictory information and personal detail, but their accusations were clearly well-founded. (see on the case here <http://virginworld.blog.de/2009/01/15/subvision-hafencity-art-money-real-estate-5379535/> <http://www.wirsindwoanders.de/files/demo.php> <http://www.taz.de/regional/nord/hamburg/artikel/1/off-kunst-von-oben/>

NEVERTHELESS, we have decided to participate in Subvision. В СИТУАЦИИ, которая сложилась вокруг реализации проекта Subvision в Гамбурге, мы вынуждены сделать следующее заявление по поводу своего участие в этом фестивале. ВСЕГО за несколько месяцев до открытия фестиваля мы, и ряд других его участников, получили частные письма предупреждения о том, что фестиваль является продуктом нео-либеральной гегемонии, средством джентрификации одного из районов Гамбурга, что его проведение забрало деньги у местных инициатив, что он направлен на брэндинг города как центра «творческой индустрии» и что во главе его стоят люди с запятнанной репутацией. НЕ БУДУЧИ вовлеченными в местную ситуацию, для нас оказалось не простой задачей понять, что же происходит на самом деле, и, в конце концов, мы приняли осознанное решение пойти на риск участия, несмотря на то, что все эти обвинения, очевидно, имеют под собой реальную почву.

WHY?

ПОЧЕМУ?

LIKE EVERYTHING we do, this is a political decision based on our collective's principles in dealing with institutions. What are these principles, and how do they relate at hand? НАШЕ РЕШЕНИЕ является, как и все что мы делаем, решением политическим, и оно основано на общих принципах работы нашего коллектива, которым мы придерживаемся в отношениях с институтциями. КАКОВЫ ОНИ и как они соотносятся с условиями работы, которые предоставляет Subvision?

1. **Subvision is not an “off” project.** True, the conditions in Russia are very repressive. So our resources and visibility are limited. Nevertheless, we insist that self-marginalization is not an answer. In our experience, it depoliticizes and ghettoizes artists and intellectuals in a comfortable non-conformism that lacks any clear articulation. Instead, we feel that it is of the utmost importance to use and contest any space that by weird chance opens up to provide a venue for our uncensored propaganda and art. Participation is not just collaboration, but a struggle for control over means of cultural production. We feel that it is we who produce the values and decisions that are important to culture and society, and not just the institutional frame. This means that we are willing to interact with projects and institutions even if we do not agree with their goals. Because we have goals of our own.

2. **For Chto delat, one of the most important points to keep overarching projects from dictating, censoring, or distorting our work.** In the case of Subvision, there were no attempts to do any of this directly. If such things appear on site we will protest it immediately by boycotting and leaving the festival. But there is, of course, an indirect distortion that comes with the curatorial framing of the project in its particular location. We are not naive and realize that our contribution - which is about the collective search for alternatives in a highly repressive situation—is “global protest,” and we are highly critical of the way this representation is being handled. We fear that we might be brought in as artistic Gastarbeiter to confront the local “off-scene.” But we also think it is very important to create real spaces for solidarity and exchange between initiatives that ARE searching for alternatives, and this, after all, is Subvision’s stated goal—and our task is to make it true. When we were shown the list of invited participants, we were not only happy to find that many fellow Gastarbeiter are already our friends and comrades, but also because their presence reflects responsible political choices on the part of the organizers. In particular, we agree with the choice to invite Israeli artists who are searching for alternatives to a nearly hopeless situation of conflict. This decision goes against the unspoken boycott of Israeli artists and intellectuals in Western Europe today, which, unfortunately, is hitting the wrong people. In other words, we hope that actual communication between these different groups will outweigh the inevitable instrumentalization and distortion of our respective positions.

3. **Adequate economic conditions for cultural workers are an important political question.** It is important to realize that self-organization should not necessarily mean self-exploitation, and that there is nothing to be gained by refusing payments, as if there was such a thing as “dirty money” or “pure commerce.” Incidentally, we did not sign any kind of contract with Subvision, nor did we give them the copyright of our work. The financial conditions that Subvision offers are fair enough in view of the project’s scale and allow us to concentrate on fulfilling those tasks that we have set ourselves as artists and writers in this context. Moreover, they allow members of Chto delat to travel to Western Europe and to react to the disheartening context of Subvision directly, with interventions of their own. We are fully aware of the fact that ANY cultural product can be instrumentalized as a commodity against its producers. But we are also sure that it is necessary to fight for the reappropriation of the ideological and material dividends that neo-liberal cultural policies will try to draw from our work. This is only possible by occupying spaces within the object of our critique, and using them to challenge the status quo. Here, we need to practice a fundamentally different politics based on egalitarianism and collective participation. We do not think that we are too weak to resist some diabolical plan that would instrumentalize our work for something we oppose. In fact, we can say it publicly: our politics aim at making sure that places like Hafen City would be a thing of the past not only in Hamburg but anyplace else. If the developers suddenly see the need to bring us in, our goal is to create a situation in which art does not need developers. This contradiction remains fundamental to our participation in the project. Which also means that the real battleground in culture can also be inside such a project as Subvision and not only outside, in the “off.” It is here that we can contest the nature of such a project and show it as our strenth.

4. **We believe collective political articulation - understood as self-clarification - to be the central goal of our work.** We sincerely hope that our presence in Hamburg will help to spark a concretization of the Subvision project’s critique. For now, this critique has been influenced by the vagaries of personal correspondence, rumors, and facile judgements, as if everything were “already clear.” But the points of consensus remain blurry, and have not been sufficiently articulated collectively or in public. We have a unique chance to meet in person and to discuss the situation. Chto delat is more than willing to provide a platform of the critique of Subvision and other festivals and camps like it; moreover, we are willing to do anything we can to make sure that this critique reaches as broad an audience as possible.

Thus we invite you to a discussion loosely themed “Self-Organization: Between Repression and Recuperation? Where is the Way Out?” which we will hold during our stay in Hamburg on August 29th. Let’s use this space. Let’s not be “off”! Instead, let’s kick out those who think that they can use the dirty tricks of dividing artists, and using art for their shitty purposes of gentrification and promoting inequality!

1. Subvision не имеет возможности вмешиваться в нашу работу. Характер проекта, который мы осуществляем, полностью определен внутригрупповой дискуссией, и необходимостью реализовывать конкретные вещи в конкретный момент и, прежде всего, продиктован ответственностью перед нашей локальной ситуацией. В наших материалах полностью отсутствует какая-либо реклама этого фестиваля, за исключением упоминания о нашей кооперации. Между нами и фестивалем не существует никакого контракта регулирующего наши отношения и фестиваль не обладает никакими эксклюзивными правами на проекты, которые произведены нами в рамках фестиваля.
2. Финансовые условия работы, предложенные Subvision, являются корректными и позволяют нам сосредоточиться на реализации тех задач, которые мы ставим перед собой. Важно отметить, что корреспонденция с кураторами фестиваля не оставила никаких подозрений в их желании организовать фестиваль, который мог бы продемонстрировать что-то иное, чем многообразие различных интернациональных практик культурной продукции и дать им уникальный шанс войти в непосредственный диалог друг с другом. И с этими задачами мы согласны. Также как мы в целом согласны и со списком инициатив, приглашенных к участию—многие из которых являются нашими старыми партнерами и товарищами.
3. Любой культурный продукт может быть инструментализирован в товарной форме против производителей, что мы видим на примере развития искусства с момента его возникновения в капиталистическом обществе. Но мы уверены, что важно все время бороться за реапроприацию идеологических дивидендов нео-либеральной политики, неизбежно возникающих на основе нашей работы и востребовать их прибавочную стоимость. Это может быть сделано только в процессе участия и использования «присвоенного» пространства для реализации на деле принципиально иной политики равенства и участия. Мы не думаем, что мы настолько слабы или наивны, что не можем противостоять «дьявольским» планам, вписывания нас в то, чем мы не являемся. Поэтому мы заявляем, что наша политика направлена на то, чтобы таких мест как Хафен Сити не было не только в Гамбурге, но и где-бы то ни было ещё. Если девелоперы вдруг решили что они нуждаются в нас, то наша задача создать такую ситуацию, чтобы искусство не нуждалось в девелоперах.

- Или каждый раз утверждать в рамках этих проектов ценности, которые идут в разрез с их планами приватизации публичного пространства. Мы настаиваем на необходимости борьбы за прибавочную стоимость, и эта борьба может быть осуществлена только за счет участия, использования ресурсов этих проектов для создания работ могущих быть использованными в других контекстах и установления новых форм взаимодействия между его участниками, которые бы послужили дальнейшим толчком к развитию политических форм координации художников
4. Мы могли бы принять решение о неучастии в Subvision и заслужить аплодисменты некоторых местных деятелей культуры. Мы были бы готовы пойти на такие меры, если бы о существовании конфликта вокруг фестиваля мы бы узнавали не из частной переписки, которая скорее напоминала коллекцию слухов и частных пристрастий—а были бы вынуждены реагировать на коллективное письмо, которое бы показало консолидацию Гамбургской сцены, их четкое позиционирование и внятную артикуляцию альтернативы. К сожалению, этого не произошло, и любые наши попытки наладить предварительную дискуссию наткнулись на полное нежелание что либо обсуждать, так как «мол тут всё и так ясно».
5. «Что Делать» не является off проектом. Несмотря на ограниченность наших ресурсов и постоянное вытеснение из публичной жизни в России, мы настаиваем на том, что именно мы и наши друзья и коллеги из самоорганизованных коллективов во всем мире создают те ценности, которые должны определять смыслы современного искусства и политики. Именно мы как работники делаем это – а не все те институтции, которые спекулируют и пытаются наживаться на прибавочной стоимости, производимых нами ценностей. Всей нашей поантикой мы утверждаем, что мы способны брать в свои руки не только производство культуры, пользуясь различными средствами производства – такими как буржуазные институтции культуры, но и настаиваем на своем праве на участие в их распространении, постоянно вступая в борьбу за смысл общего.

ПОЭТОМУ мы продолжаем надеяться, что еще не все потеряно, и возможно наладить диалог и учиться, как вместе выигрывать в таких ситуациях. Пока же на сегодняшний момент все выглядит довольно печально—с одной стороны есть множество разнообразных инициатив со всего мира, которые никак не объединены вместе политически и эстетически, а с другой стороны на местном уровне мы тоже не видим артикулированной политической консолидации и видим лишь частные формы конфронтации одних с другими. ПОЭТОМУ мы обращаемся ко всем участникам фестиваля и ко всем местным инициативам—давайте использовать эти институциональные возможности для целей объединения—у нас есть уникальный шанс встретиться и обсудить ситуацию. Для этого собственно мы и приезжаем в ваш город, который мы очень ценим за его историю настоящей активистской борьбы. Если мы окажемся неспособными сделать это сейчас, значит мы уже проиграли. МЫ ПРИГЛАШАЕМ всех вас принять участие в нашей дискуссии «Самоорганизация: между репрессиями и включенностью. Какой выход?» в рамках которой мы можем обсудить все вопросы, касающиеся нашей работы и позиций и если вам нужно место для коллективной артикуляции вашей локальной критики фестиваля, то мы готовы его вам предоставить в любой момент и, пользуясь своей привилегией участия, сделать все усилия, чтобы это мнение достигло самой широкой публики и медиа. В ЛЮБОМ СЛУЧАЕмы утверждаем, что мы как наемные работники культуры не off—до той поры пока мы продолжаем нашу борьбу за контроль и трансформацию средств производства на благо всех.